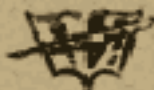
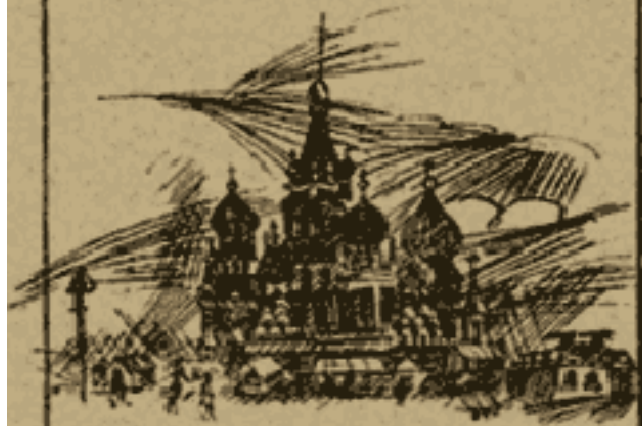

ЖИЗНЬ И ДЕЛА

ВАСИЛИЙ
КИПРИАНОВ,
ЦАРСКОГО
БИБЛИОТЕКАРИУСА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Александр Алексеевич Говоров

Жизнь и дела Василия

Киприанова, царского

библиотекариуса: Сцены из

московской жизни 1716 года

Сканирование, распознавание и вычитка – Никольский О.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159373

*Последние Каролинги. Жизнь и дела Василия Киприанова, царского
библиотекариуса. Санктпетербургские кунсткамеры: МЕКТЕП;*

Фрунзе; 1989

ISBN 5 658-00525-6

Аннотация

Роман «Жизнь и дела Василия Киприанова, царского библиотекариуса» (1979 г.) обращает нас к истории Москвы в эпоху петровских реформ. Хотя самой фигуры легендарного царя, который «уздой железной поднял Россию на дыбы», мы здесь не встречаем, все дышит его идеями, замыслами, пронизано противоречиями, что связано с образами его сторонников и врагов. Это своеобразная попытка показать петровское дело без персонажа Петра I.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Тише, мыши, кот на крыше	4
ГЛАВА ВТОРАЯ. Амчанин тебе во двор	48
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Не по хорошу мил, а по милу хорош	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Говоров

Жизнь и дела Василия

Киприанова, царского

библиотекариуса

Посвящаю моему сыну Алеше

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Тише, мыши, кот на крыше

Когда спустя много долгих лет и еще более долгих зим Василий Васильев сын Киприанов-младший, став уже московским первой гильдии купцом и комиссионером императорской Академии наук, желал вспомнить, как у него все так ладно началось да с чего все так пошло удачно, он представлял себе далекий зимний вечер в канун Рождества 1715 года, по старому счету – семь тысяч два ста двадцать третьего.

В тот вечер засиделись допоздна за работой в недостроенной еще отцовской типографии, в грыдоровальной¹, то есть гравюрной, мастерской. Спешил каждый до праздника за-

---

¹ Грыдырование – старинное произношение слова «гравирование».

кончить свой урок, кто при сальном огарке, кто при лучине. Отец, поджав губы и опустя очки на краешек носа, самолично шлифовал готовые плашки. Под деловитый визг напильников и кручение шкива какие уж тут разговоры, но толковали помалу, всё о войне, о дороговизне да о внезапной болезни царя. Впрочем, о последнем более молчали, нежели говорили, но у всякого на уме – что-то станет после Петра? Опять боярщина, сонное царство или наоборот – засилье иноземцев, кулак да взятка?

Вот тогда-то и распахнулась снаружи дверь, как бы знаменуя некий поворот в судьбе младшего Киприанова, и впустила в мастерскую целое облако морозного пара. В облаке этом, словно эллино-языческий бог, явился подмастерье Алеха Ростовцев, который загулял три дня назад. Щеки у него пылали, не то от стужи, не то от бражки, он сорвал с головы малахай и усиленно им размахивал.

– Онуфрич! – зывал он. – Эй, Онуфрич, ты где?

Онуфричем запросто называли отца. Киприанов-старший этим не чинился, хотя в работе никому спуска не давал.

– На торжке-то, Онуфрич, что говорят, слышь?

Все оторвались от работы, отец остановил кручение станка. Слышно стало, как на воле бесится вьюга, стегает по бревенчатой стене. Алеха, однако, добившись всеобщего внимания, не торопился объяснять, что именно говорят на торжке. Расстегивал себе полушубок, щелчком сбивая намерзшие льдинки.

– Дверь-то за собою прикрой, гулена! – крикнул ему отставной солдат Федька, который мучился не то от зубов, не то от собственной злобности, – Да говори, чего знаешь, не томи!

Алеха поднял палец и, оглядев присутствующих, объявил:

– Из Санктпитера из бурха сановник прибыл, наиважнейший!

Вновь завывало шлифовальное колесо, зашаркали напильники. Отец неторопливо протер очки в серебряной оправе, которые ему подарил сам благодетель генерал-фельдцейхмейстер господин Брюс, и склонился над своей плашкой.

О чем только не болтают на торжке! Если бы про царское здоровье какая новость, а сановник – что ж... Сановники теперь, почитай, чуть не каждую неделю наезжают – то подать им новая, то рекрутский набор!

– Грешно вам... – обиделся Алеха, видя, что все от него отворотились. – А знаете, какой на том сановнике чин? – И

выкрикнул, ударив себя в молодецкую грудь: – Неудобь сказуемый, вот!

Все засмеялись, а Киприанов-старший, любуясь отшлифованной плашкой, сказал миролюбиво:

– Ну какой же такой может у него неудобь сказуемый чин?

Алеха перекрестился с опаскою и свистящим шепотом сказал:

– Сам господин обер-фискал!

Вот это уж была новость под стать царскому здоровью! Подмастерья переглянулись, а хозяин отложил плашки и снова взялся протирать очки.

– Да-да... – покачал он головой. – Ежели вправду обер-фискал, так что же это значит? Это значит снова гвардии майор Андрей Иванович Ушаков. Тот самый, братцы, который о прошлом годе генерал-фельдцейхмейстера нашего, господина Брюса, в похищении казны многой обвинил... Да что там! Самого Александр Данилыча, светлейшего князя Меншикова, чуть в Сибирь не упек! Грозен батюшка господин обер-фискал, сам-то ласков да обходителен, а мягко стелет, так жестко спать.

– И как же он Санктпитер-то покинул, коль царь там хворый? – спросила баба Марьяна, киприановская домоправительница, которая пришла звать всех на ужин. – Там-то он небось нужней?

– Бунта бояться! – ухмыльнулся отставной солдат Федька сквозь ладонь, которой зажимал больные зубы. – За власть

дрожат!

Киприанов прервал его:

– Не тебе бы, Федор, высших персон² дела обсуждать. Лучше о своих повинностях думай, как их тебе исполнять. Что же до господина обер-фискала, то его наипервейшая забота как раз о том, чтобы никто от повинностей своих отнюдь не ухоранивался!

– А что, мужички, – сказала баба Марьяна, подбоченясь, – ловко же сей обер-фискал с министрами разделяется, а? Уж на что был орел адмиралтейц-советник Кикин, самого царевича наперсник, и то как он его? Всех чинов-заслуг лишил – и к нам, в московскую нашу опалу!

От этих ее слов отставной солдат пришел в восторг, забыв о зубной боли.

– Ух, баба! Так и разит, так и палит! Тебе бы, Марьяна, самой в обер-фискалы, вот бы ты жулья всякого наловила. Еще бы ты нам, темным, разобъяснила: зачем тот гвардии майор снова на Москву пожаловал? Опять скакунов боярских будет стричь или на сей раз на нас, сирых клячонках, разгуляется?

– Я знаю, я знаю! – снова всколготился подмастерье Алеха. – Слушайте меня, слушайте, я знаю!

– Дайте же ему сказать, – заступилась Марьяна. – Не то еще лопнет от избытка новостей.

– Я точно знаю, – заверил Алеха. – Фискал к нам прислан, чтобы учредить астанблей.

---

² Персона – лицо, особа; так же назывался иногда и портрет знатного человека.

– Что, что? Повтори.

– Астам... Астам... Ассамблею, вот как!

– Что же это такое? Министерия какая или полк?

– Этого никто знать не знает. Однако говорят, в Питере таковое давно уж устроено. Один старичок баил, будто там благородные люди для того действия совместно собираются и некоторые боярыни вот до сих заголясь...

– Так это – баня? – обрадовался Федька. – Ха-ха!

– Не верите мне? – надрывался Алеха. – Вот истинно, пред образами – правда! Да пусть вот Бяшенька скажет, он человек ученый, не чета вам всем!

Бяшенька, Бяша – это и есть Василий-младший, сын Киприанов, такое прозвище с детства у него. Дура нянька учиняла ему забаву: «Бушки-бяшки, бушки-бяшки!» – и пальцем брюшко щекотала. И он, несмышлениш, послушно за нею лепетал: «Бяша» да «Бяша». Так и прилепилось к нему это дурацкое прозвище!

– Пожалуй, Васка, – сказал отец, – растолкуй уж ты людям, что есть ассамблея.

– «Ассамблея» слово французское, которое на русском языке выразить невозможно. Но обстоятельно ежели сказать – сие есть вольное в котором-нибудь доме собрание гостей. И делается оное для всеобщих танцев. И не для одних только танцев, но и для пользы – переговорить, услышать, где что творится. Притом же и забава.

– Книжник, ах, книжник Василий наш Васильевич! – умирался солдат Федька, опять не без ехидства.

А отец переспросил сосредоточенно:

– Так сие получается – танцы?

Бяша кивнул головой.

– А ты говорил – баня! – напустился Федька на оторопевшего Алеху. – Соберут бояр, князей, генералов, станут они в хоровод и пойдут «ножкой топ-топ, ручкой хлоп-хлоп»...

Баба Марьяна усмехнулась:

– Муд-ре-цы! Царь при смерти, меж наследниками неразбериха, у царевича прынец родился, маленький, и у царя, глядь, новый царевич, вот где ума-то надо прилагать, а они – астанблей!

Алеха продолжал настаивать на своем, Федька его поддразнивал, подмастерья смеялись, а Бяша слушал, как отец, занимаясь своими плашками, говорил Саттерупу, пленному шведу, который работал в киприановской мастерской:

– Конечно, когда государь изволил перенести резиденцию во вновь основанный Санктпите^р бурх град, в нашей матушке-Москве все быльем поросло. В полдень лавки запираем и спим до заката. Ужинаем в три пуза и опять на боковую, от чего апокалипсические чудища снятся... А смута не спит, смута копошится, стрельцов еще мятежных не забыли. На площадях что ни день антихриста³ кричат! А тут еще слухи

---

³ Антихрист – в церковной мифологии противник Христа, иногда синоним дьявола.

про распрю у государя царевича с государем отцом...

Киприанов еще покрутил шлифовальное колесо и снова, подняв очки, рассматривал на свет гладкость плашки. Наклонился к Саттерупу:

– Ежели слушать на торжке все байки, ума можно решиться. А ходят такие слухи, за которые прямо хватать – да в застенок, в Преображенский приказ⁴!

Пленный швед согласно кивал головой, развязывая кисет с табачком. Хотя известно, что толковать с ним бесполезно, – за пятнадцать лет в плену он не выучил ни одного путного русского слова.

– А правду сказать – есть, есть у нас ради чего приехать обер-фискалу. – Отец раскурил с Саттерупом по трубочке. – Взять того же Кикина, бывшего царского клеврета⁵, который ныне у нас обретается. Или Аврама Лопухина, брата отставленной царицы... Вся Москва скажет – они-то царевича на непослушание и подбивали, с отцом стравливали, прости господь! И ныне, как узнали, что царь Петр Алексеевич соборовался, так и понеслись!

Заметив, что сын внимательно слушает его откровения, Киприанов погрозил ему пальцем и вынул карманные часы-луковицу:

– Шабаш, братцы! Пошли-ка, возьмемся за ложки-плош-

---

⁴ Преображенский приказ – учреждение, управлявшее гвардейскими полками, а в 1716 году ведавшее также охраной государственного порядка.

⁵ Клеврет – собрат, сообщник, помощник.

ки, поварешки!

А на другой день Бяша, то есть Василий-младший, сын Киприанов, воочию столкнулся с этим самым страшным обер-фискалом, которому суждено будет сыграть такую решительную роль в его, Васильевой, судьбе.

Был сочельник⁶. С утра Москва кипела, готовясь к празднику. Хватали все что попало, на прилавки шли, как на турецкую крепость, особенно приезжие. Каждому хотелось привезти домой московский гостинец.

Отец приказал:

– Ступай-ка, Васка, в школу к Леонтию Филипповичу. Отнеси ему напечатанные листы учебника, пусть читает, правит. Хоть и грех работать в праздник, но бездельничать еще больший грех – так ведь Леонтий Филиппович говорит?

Леонтий Филиппович – это Магницкий, учитель Навигацкой школы. Он отца когда-то, молодого, выучил и к типографскому делу приспособил, он и Бяшу в школе учил до прошлого года.

Бяша пристроился в сани к попутному мужичку. Снег визжал под полозьями, лошади фыркали, сметая хвостами снежную изморозь. По закаленевшей бревенчатой мостовой перестук копыт напоминал барабанную дробь.

– Позволь, позволь! – покрикивал мужичок.

Куда там! Сани еле пробирались по запруженным улицам.

---

⁶ Сочельник – в Древней Руси вечер накануне Рождества.

Бяша соскочил – ноги коченели, пешком все-таки согреваешься, сапогами топаешь.

Никольская, Сретенка – сплошная толкучка, крик, божба, целое воинство лотошников. Двери всех церквей распахнуты, теплятся огоньки лампад. Нищие гнусавет наперебой, показывают увечья, сморкаются прямо под ноги, поневоле отдашь полушку.

У Бяши была способность на ходу забывать обо всем, погружаясь в свои мысли. Не заметил, как и выбежал из-под арки приземистых Сретенских ворот, помчался бодрее с папкою под мышкой, похлопывал рукавицами, размышлял. Что есть фискалы и зачем они просвещенному государству необходимы? Бяша видел указ 1711 года; там правительствующему Сенату⁷ предписывалось: учинить фискалов по всяким делам, а как быть им – то придется известие. Отец бы тут по своей привычке поворчал; у нас-де, на Руси, все так и делается тяп да ляп, а как быть дальше – то придется известие.

Бяша знал, что «фиск, фикус» – слово латинское, и означает оно императорское имущество, казну. Фискал, стало быть, и есть тот чиновник, который имение оное блюдет и приумножает.

Так и в иных государевых указах писано – все те указы имеются в книжной лавке, где Бяша сидельцем, – сказано, что фискал имеет тайный надсмотр за соблюдением законов, кто неправду учинит, кто умысел имеет ко вреду государ-

---

⁷ Сенат – высшее правительствующее учреждение в императорской России.

ственного интереса. Но, как говаривает отец, где предел есть той их тайной власти?

Бяша подскакивал на бегу, коченея, ресницы его слиплись от инея. Вдруг почувствовал, что попал на раскатанную наледь и, теряя равновесие, катится по ней. Выронил папку, затем рукавицы, замахал руками, словно мельница, но удержался, только ткнулся с разбегу в чей-то обширный живот.

– Ой! – охнул тот, в кого ударился Бяша, но даже не пошатнулся. Просунул пальцы под Бяшину шапку, видимо чтобы взять его за ухо.

Тут Бяша опомнился от своих размышлений. Он находился уже в самом конце Сретенки, у Сухаревой башни, где и помещалась Навигацкая школа. А кругом – Сухаревская толкучка, ямщицкий рынок: санки, возки, рыдваны⁸, кареты. Из одной кареты, с орлами на дверцах, как раз и вышел тот господин, которому Бяша столь неудачно угодил в брюхо.

Бяша оробел, потому что тот, кто в такой карете ездит, может и кнутом попотчевать. Но господин лишь потрепал его за ухо и оттолкнул с усмешечкой. И был он весь приятный, словно круглый пряник, или, вернее, будто масленичный блин, – румяный, улыбчивый, средних лет.

Незнакомец осведомился, куда это так юноша поспешает, и, узнав, что в Навигацкую школу к Леонтию Филипповичу, просиял еще более. Галантно сделал ручкой, показав дорогу по наружной каменной лестнице башни. Оказывается, он

---

⁸ Рыдван – старинная карета.

сам шел туда.

Знакомство завязалось. По мере того как они поднимались по ступеням, Бяша поведал, что он сын Киприанова, того самого, который библиотекарь на Спасском мосту («Ах, вот оно что!» — сказал незнакомец и сделался еще любезнее, хотя, казалось бы, любезнее быть уже невозможно), что он сам ученик старика Магницкого. Впрочем, знакомство их было довольно односторонним — когда они поднялись на верхнюю площадку лестницы, где дул отвратительный колючий ветер, незнакомый господин знал о Бяше все, а тот о нем ничего.

— Ну, а знаешь ли, почему сия башня Сухаревой зовется? — спросил его незнакомец, словно на экзамене.

Бяша, увлекаясь, вынул очки из кармашка (да, да, он был близорук, как и отец, и ужасно этого стеснялся!) и обвел рукою расстилавшиеся внизу бревенчатые слободы, наваленные снегом крыши, тысячи морозных дымов в сером декабрьском небе.

— Леонтий Сухарев был полковник стрелецкий, его роты жили здесь. Когда же случилось его царскому величеству злоумышленников ради бежать в Троицкий монастырь, сей Леонтий Сухарев привел к царю свой полк прежде прочих. От сего имени и башня.

— Бежать, говоришь? — переспросил господин, и взгляд его, дотоле сонный и любезный, стал отточенным, как лезвие.

Бяша тотчас понял свою неловкость и спешил поправить-ся – не бежать, конечно, удалиться, – но чувство какой-то вины неискупимой так и осталось в нем сидеть, словно заноза.

Вольно было новому знакомцу стоять на площадке в богатой шубе и, улыбаясь, похлопывать рукавицами. Бедный Бяша в своем утлом колушке весь изныл на ледяном ветру, гадая, чего господин сей ждет, зачем не входит в школу. Наконец тот засмеялся и перегнулся через парапет, подзывая поручика. И тут Бяшу осенило: он же просто ждал, когда Бяша догадается открыть перед ним тяжелую с кольцом дверь Сухаревой башни!

В школьной полутьме слышалось, как в классной зале младшие повторяют хором слоги: «Прю, трю, фрю, хрю... Бря, вря, гря, дря, жря...» Магницкий сердился и стучал на них линейкой. Старик заставил их трудиться даже в сочельник, по своей пословице, чтобы зря по торжищам не шатались, грехов лишних не накопляли.

Дождавшись перемены, Бяша выполнил отцовское поручение и мог бы уходить, но задержался в караулке у печки: в Сухаревой башне зимой холод похлеще, чем на улице. Тут его окликнул Преображенский поручик, который прибыл с тем самым улыбчивым господином, и объявил:

– Гвардии майор и кавалер Андрей Иванович Ушаков просил вашего батюшку, библиотекариуса Василья Киприанова, непременно пожаловать на ассамблею, которая состоится на святой. И вас также, – слегка поклонился он оторо-

певшему Бяше и даже приложил два пальца к треуголке. – Менуэт танцуете? Будут танцы и все прочее, что для молодых юношей особливую приятность имеет.

Он подмигнул Бяше и состроил черным усом гримасу. Затем удалился четким шагом в гулкий сумрак башни.

«Ну и ну!» – сказал про себя Бяша и побежал домой.

На улицах между тем все сделалось вдруг по-иному. Люди суетились еще стремительней и бестолковей, какие-то бабы и дети бежали в одну сторону, крича: «Колодников выпускают!» В морозном воздухе поднялся трезвон всех колоколов, хотя для сочельникового боя было еще рано.

Дома ждала его куча новостей.

– Государь выздороветь изволил! – радостно сообщил отец. – Только что в церквах объявляли. Царская милость – колодников освободили, недоимки простили.

Баба Марьяна принесла четверть вина прямо в мастерскую, отец разлил по глиняным кружкам.

– Виват⁹! – закричали все.

– Виват государю нашему Петру Великому, отцу отечества! – громче всех крикнул Бяша, у которого от глотка пенной закружилась голова.

А подмастерье Алеха спешил ему рассказать, что обер-фискал действительно привез указ об ассамблее на святках и уже некоторым закоренелым домоседам и домоседкам якобы успел пригрозить, что под караулом их на танцы доставит.

---

⁹ Виват – по-латыни «Пусть живет!», «Да здравствует!»

Святки – это двенадцать дней непрерывных праздников. Тут и Рождество¹⁰, и колядки¹¹, и купание в проруби на Ердань-реке¹². Тут и Новый год, и огненные потехи, когда каждый двор иллюминирован чадящей плоской, а в морозное небо взмечаются, рассыпаясь, разноцветные ракеты.

Архиереи грозят с амвонов: «Не смейте затевать игрищ, не смейте гаданьями грешить!» Куда там! Тут же, возле церквей, и скачут, и на ходулях ходят, и в бубны бьют: «Трах, трах, тарарах, едет баба на волах!»

Мчится, набившись в розвальни, куча ряженных – в харях, в личинах. Свистят, гогочут, богохульствуют: «В Москве, на доске, на горячем песке!..» А тут еще и ассамблея!

У Киприановых народ смирный, работающий. Для всяческих дел эти двенадцать дней гульбы – нож острый. Но что поделаешь – отец блюдет все церковные установления. Сам, правда, в ряженных не ездит, но, коль нагрянут родичи или кто-нибудь из торговой братии, Киприанов ужасается, делая вид, что не распознал под козьей мордой кума¹³, а под вывороченным тулупом – какого-нибудь начальника из Ратуши¹⁴.

---

¹⁰ Рождество – главный церковный праздник в конце декабря, связанный с мифологическим рождением Христа.

¹¹ Колядки, колядование – народный обряд пожеланий добра и благополучия.

¹² Ердань – правильное – Иордань, прорубь, из которой брали воду для освящения и в которой купались «моржи».

¹³ Кум, кума – люди, крестившие совместно чьего-нибудь ребенка.

¹⁴ Ратуша – центральное учреждение в Москве, управлявшее купцами и ремесленниками; до 1699 года называлось Бурмистерской палатой.

Наутро постенает, держась за разламывающийся затылок, и будет потом весь праздник кидать взгляды с угол, где на рабочем столе дожидается недоконченная ландкарта¹⁵ Московской губернии...

Второго генваря прибежал с поздравлениями Бяшин друг Максимка Тузов, в просторечии Максютя, сиделец из Су-конного ряда. На Максютя новенький немецкий полукафтанчик с зернеными пуговицами, по воротнику расшит капителью. И башмаки у него с пряжками, телятинные, и на буйных кудрях вместо привычного колпака – треуголка с позументом.

– Максютя, огарышек ты мой! – встретила его баба Марьяна, которая жалела парня за неприкаянное сиротство. – Окоченел же ты, уши-то, глянь, сизые! Надел бы малахай, валеночки!

Федька-непочетчик загрохотал:

– Да ты погляди лучше, каков он жених! Кровь с молоком! Он небось на кафтан да на треуголку два лета копил. А ты – малахай!

Максютя повернулся к Федьке спиной и увел Бяшу в нижние сени, за штабель кирпича, – секретничать.

– На ассамблею идешь? – спросил он.

Ему уже все было известно – и то, как Бяша на Сухаревке с обер-фискалом познакомился, и то, как перед Новым годом Киприановых посетил сержант из губернского правле-

---

¹⁵ Ландкарта – географическая карта.

ния в сопровождении барабанщика. Объявил громогласно, что господин губернатор приглашает библиотекариуса Киприанова с сыном, и в списке отметил. И добавил:

– Покорнейше просят, дабы ваша милость не смели отсутствовать.

У Максюты щеки пылали – его-то никто не приглашал! У Максютки этого отец ходил в солдаты волонтером¹⁶, чтобы вызволить семью из крепостной неволи, да пропал где-то без следа в болотах Ингерманландии¹⁷. Теперь сын тянет отцовскую лямку, а ныне от господина своего, от стольника Елагина, отпущен на оброк¹⁸ в торговлю.

А уж доведись ему на эту ассамблею – вот бы блеснул! Они с канунниковскими приказчиками в пустом амбаре давно танцы разучивают – менуэт, контрданс¹⁹, – жаль, что негде показать.

Максюта торопился выложить приятелю все, что знал:

– Ассамблея та в честь царского выздоровления. Хотели машкерад устроить, но хлопотно, опять же пожаров опасаются. Да еще бояре наши московские не охочи на ассамблею ту ехать. Окольничий²⁰ Хилков с женою объявил было, что

---

¹⁶ Волонтёр – доброволец.

¹⁷ Ингерманландия, Ингрия, Ижорская земля – область по берегам Финского залива и Ладожского озера, где был основан Петербург.

¹⁸ Оброк – денежная плата взамен каких-либо крепостных повинностей.

¹⁹ Контрданс – старинный французский танец.

²⁰ Окольничий – второй после боярина придворный чин в Московской Руси.

чревом страдает, так твой знакомец, обер-фискал, знаешь, что учинил? Привез немецкого лекаря и при себе же велел Хилковым клистиры вкатить, ха-ха-ха! А княгиня Барятинская с дочерьми, так та причастилась, исповедалась, словно не на ассамблею, а в татарскую неволю их отдают. Скоро сам все увидишь, избранник Фортуны²¹!

Он любил пышные выражения.

– А где ассамблея та будет? – спросил Бяша. – Мы ведь, будто праведники в раю, всегда всё последние узнаем. У отца нашего одни ландкарты в голове.

Максюта обрадовался случаю показать свою осведомленность:

– Ну как же! Во дворце покойного генерала Лефорта, что на Яузе, в Немецкой слободе. Других таких палат на Москве не сыщешь. Эх, мать честная, вот напляшетесь! Хозяин наш взял подряд на украшение того чертога: закуплено два ста полотен самых дорогих тканей – столбы оборачивать. Материал – алтабас²² турецкий, золотой муравой тканый, по двадцать восемь алтын²³ – помрачение ума! Впрочем, не вы одни повеселитесь. Я, например, в тот же вечер пойду на другой берег Яузы, в Лефортон сад, гуляти, потехи там усмотревати. Что мне мороз!

---

²¹ Фортуна – судьба, счастье, также мифологическая богиня судьбы.

²² Камка, обьярь, алтабас – древнерусские названия различных сортов шелковой ткани.

²³ Алтын – медная или серебряная мелкая монета.

Теперь настала пора объяснить, что за дружба у Бяши с Максютой, где это они так сошлись.

Начать с того, что два года тому назад Киприанову удалось-таки купить у Ратуши право на полатку у Спасских ворот Кремля на Красной площади, у Покрова²⁴ богородицы собора, который слывет також – Василий Блаженный. Стоит она полатка²⁵ у самого крестца, то есть у входа на мост, и окружена всякими ларями, шкапчиками и прочей торговой ерундой. Да и сама эта полатка хоть и каменная, да дрянная. Всего она в два жилья, то есть этажа, над лавошными растворами – навес из деревянных столбов, на москворецком лексиконе – галдарея, и вся она в рассадинах от ветхости. А владел ранее той полаткой стрелец Степан Ступин, затем он сгинул там же, где и все прочие мятежные стрельцы сгинули, а полатка его и домашняя рухлядь были отписаны на великого государя.

Ратушные крючоктворы, как водится, стали покупщику оной полатки Киприанову клинья вставлять всяческие. За ломили ценищу – четыреста рублей! Тянули таким образом добрых десять лет, и только позапрошлым летом Киприанов получил у бургомистра связку ржавых ключей и разрешительную грамотку.

---

²⁴ Покров – церковный праздник в начале октября, когда игралось большинство свадеб, считавшийся поэтому особым праздником для девушек, желавших выйти замуж.

²⁵ Полатка, (от слов «полка, полати») – торговое помещение.

Но открывать теми ключами ничего не пришлось, потому что замки оказались давно сбиты. Какие-то шатущие люди ночевали в той полатке и костры там разводили под самым, сказать, под носом у кремлевской стражи!

Заговорили, зашумели о киприановской покупке в Китай-городе. Еще бы! Не где-нибудь, а в Покромном²⁶ ряду близ кремлевских ворот. И кто? Не гость какой-нибудь жалованный, не гостиной и даже не суконной сотни человек — нет, самый что ни на есть черный тяглец, невесть откуда этот Киприанов, кадашевский ткач!

А что трудится тот Киприанов не за страх, а за совесть даже и без определенного ему жалованья, что печатает и ландкарты, и таблицы, и куншты²⁷ своим коштом, не тратя из казны ни копейки, что звания себе даже самого ничтожного не имеет, то все им, завистникам, нипочто! Еле вымолил он, Киприанов, при заступничестве все того же благодетеля, генерал-фельдцейхмейстера господина Брюса, чтобы ему, государевой гражданской типографии делателю и книжной торговли держателю Василью Онуфриеву Киприанову, была пожалована хоть какая честная титла²⁸, как пишут приказные писцы, которая ни во что станет, то есть совсем че-

---

²⁶ Покромный — находящийся под кровом, под крышей.

²⁷ Куншта, куншт — в начале XVIII века так назывались листовые произведения печати (гравюры).

²⁸ Титла — знаки сокращения слов в церковнославянском кириллическом письме.

пуха! И титла была ему пожалована – библиотекариус.

Приходили на Спасский крестец²⁹ долгополые, с широченными брадами, из-под которых свисали знаки об оплате пошлины – «За бороду деньги взять». Хмуро глядели, сложа руки, как в бывшую ступинскую полатку вносят известь и кирпич, втаскивают шрифтолитейную утварь. Выходил к ним Киприанов, становился молча напротив. Столь на них не похожий – бритый, в фартуке, прожженном кислотой, – попыхивал трубкой-носогрейкой, поблескивал стеклами брюсовских очков.

Раз куда-то бежал Бяша по отцову поручению, а приказчики из вонючих рядов – Овощного и Рыбного – свистели ему вслед. Ну, к этому-то Бяша уж привык! Вдруг от паперти³⁰ Николы Москворецкого наперерез ему ринулась ватага крючников. Конечно, на торговой улице всяких ватаг полно, но эти устремились так, что у Бяши ёкнуло под ложечкой.

– Это ты, очкарь? – заорал передний, сбивая в пыль Бяшины очки. – На, получай! Еретик ты, как и твой батюшка!

Затем началось избиение, потому что Бяша юноша хоть и высокого роста, но, конечно же, управиться с оравой таких мордачей не мог и только защищался ладонями. А из всех лавок и лабазов москворецкой сотни вопили, свистели, гоготали:

– Вжарь ему, ребята, вжарь!

---

²⁹ Крестец – перекресток.

³⁰ Паперть – внешняя лестница, площадка у входа в церковь.

Сапогом лягнули в колено, он упал и подумал: «Господи, только скорей!» На родимых Кадашах ему приходилось видеть трупы изувеченных во время бессмысленной драки. Но внезапно он почувствовал, что его оставили в покое.

Приподнявшись, Бяша увидел, как в столбе пыли сшибаются две ватаги, причем подбегают какие-то новые, с палками. А из лавок Овощного ряда стали выть уж по-иному, жалобно:

– Суконщики! Портошники вы! Честно ли вам драться железными аршинами?

– А восьмером на одного нападать честно?

– Он же не суконщик, этот очкарь, что вам до него?

Потом Бяша помнит, как лежал он в заросшем рву возле кремлевской башни. Сквозь огромные зеленые лопухи мирно светило солнце, над стоячей водой стрекоза трепетала хрупкими крыльями, а на вышине стен перекликались часовые. Над Бяшей склонился, прикладывая к его синякам подорожник, спаситель – Максюта.

Так они подружились, и, когда стали друг другу все про себя рассказывать, Максюта вдруг огорошил Бяшу признанием:

– А ты знаешь, почему я тогда выручил тебя?

– Почему?

– Потому что ты живешь в Ступина полатке.

– Как так?

– А просто. В Ступина полатке зарыт клад.

Разбогатеть – была мечта Максима Тузова. Его образцом был светлейший князь Ижорский, Александр Данилович Меншиков, генерал-фельдмаршал и кавалер, всех чинов-званий его не перечесть. Максюта то и дело отыскивал где-нибудь я божедомках очевидцев, которые якобы помнили, как «Данилыч» пирогами торговал. Впрочем, и хвастаться этим надо было с оглядкой – за столь ясную память можно было угодить в Преображенский приказ.

– Да где ж у нас может быть клад? – недоумевал Бяша. – Полатка-то вся в тютельку, еле уместаемся. Только местом и дорожим.

Тогда Максюта рассказал историю Степана Ступина, стрельца Цыклерова полка, который жил припеваючи, торговал не считаючи, а прибыль подсчитывать довелось в застенке у палача. Польстился он на суду царевны Марфы, которая обещала ему сокровища, коль он поможет освободить сестру ее, бывшую правительницу Софью, из затворов Новодевичьего монастыря.

Сперва его все же помиловали – поломали на дыбе³¹ и сослали куда-то в крепость. К нему и семья уехала – жена, дочка-малолетка, – всё бросили, всё зорению предали. Оттуда он, сказывают, утек, когда на Дону казак Кондрат Булавин супротив царя мятеж поднял. И был у того Булавина сей Ступин не последним человеком. Да все ж и тут не пофартило

---

³¹ Дыба – орудие пытки в виде столбов с перекладиной, к которой привязывался осужденный.

– как Булавина порешили и войско его разбежалось, один из казаков, попавших в царский плен, не выдержал мучений и крикнул слово и дело³² государево.

Его тотчас на особый допрос как доносчика по царскому интересу. И показал тот казак на Степку, на Ступина. Злато, мол, царевнино злодей Степка все ж утаил и схоронил, а где – неведомо. И начали тогда того Степку искать среди булавинских пленных, а то могли бы и вовсе забыть про него. И нашли и вновь пытали. Умер, однако, Степан в застенке, а тайны не сказал.

В этом месте рассказа Бяша приходил в волнение и обрушивался на приятеля:

– Да откуда ж, мол, знать, что клад зарыт именно здесь, в полатке? Ежели б власти хоть чуть пронюхали, они бы полатку начисто снесли, а землю всю перекопали! А уж сами воры и разбойнички, удалые работнички, разве бы не расстарались? Москва-матушка ими кишмя кишит.

– Ты же сам сказывал, – возражал Максютя. – Как вы пошли полатку эту открывать, оказались в ней какие-то гуляющие люди. Может, они и копали?

Приятели облазили весь погреб, осмотрели дворик, амбарушку, пристройку. Никаких следов, что закапывали, что раскапывали, – ничего.

---

³² Слово и дело – система политического сыска в России в XVII–XVIII веках: объявившие за собой «слово и дело государево» поступали для розыска в Преображенский приказ, все другие наказания им временно отменялись.

Впрочем, у Максюты был и запасный план обогащения.

– Женюсь на хозяина моего дочке, на Степаниде.

Бяша и этот его план подвергал уничтожению:

– Хозяин твой – первейший торговый человек. Гостиной сотни бурмистр, в Ратуше заседает, капиталами ворочает. Дочку-то свою небось за благородного хочет, не менее. Так куда уж тебе...

Максюта от споров уклонялся, однако рассказывал, что к Степаниде этой приставлена злющая немка и ходят учителя, среди них тот самый Леонтий Филиппович, который и Бяшу математике учил.

– На что ж ей математика? – удивился Бяша, который с наукой сией был не в ладах. – Неужто девушке рангоут³³ рассчитывать или геодезической съемкой заниматься?

– Денежки отцовские считать! – возликовал Максютя, видя, что хоть и чем-то да оказался догадливее своего многомудрого товарища, – Как ты не понимаешь? Денежки! Впрочем, она больше песенки любит.

И теперь, рассказывая другу о приготовлениях к ассамблее, Максютя загрустил:

– Завидую тебе, Васка... Ведь там будет она!

– Кто – она?

– Ох, какой же ты стал недогадливый! Она!

Максюта стал описывать, какие приготовления к ассамблее идут в доме его хозяина. Платьев уж с десятков рассмот-

---

³³ Рангоут – надпалубные сооружения, мачтовая оснастка корабля.

рено и отвергнуто. Остановились на шелковом, гишпанском, выделки простой, но цвета яркого, смородинного. Прическа под названием «расцветающая невинность», с локончиками. А юбка от француза Рекса, который шьет на Кузнецком мосту, – с фижмами³⁴, ширины необозримой, под ней каркас в три обруча из китового уса. Максютя приводил такие подробности туалета, что было ясно – он не зря обучается в суконной сотне.

– Смотри, друг Васка, ты хоть на контрданс-то ее там пригласи. Боярские сынки – персоны кичливые, станут ли они звать купецкую дочь? Ты не забыл, как я тебя контрдансу учил?

Он взял приятеля за талию и принялся крутить столь яростно, что у того слетели очки и пришлось их отыскивать на кирпичном полу. Глядя на его давно не стриженную голову, Максютя спохватился:

– Постой, да есть ли у тебя волосы накладные, сиречь парик?

Это услышала баба Марьяна, которая как раз пришла звать друзей откусать. Всплеснула руками:

– Ой, да ничего у них нету, у этих Киприановых! Хоть бы кафтан приличный либо камзол. Сам-то вычисленьями занимается, доходишки скудные и те в типографию просадил. О парне бы подумал – женить пора, а он чуть не босиком

---

³⁴ Фижмы – юбки на каркасе из проволоки или китового уса (на языке XVIII века «китового зуба»).

бегают!

Пошли с Марьяной к отцу, а Максютя предусмотрительно удалился, потому что старший Киприанов не жаловал его, считал пустограем. Отперли старую кованую скрыню³⁵, еще приданое покойной Бяшиной матери. Баба Марьяна вытаскивала оттуда одну рухлядину за другой, как бы демонстрируя невидимым зрителям:

– Гляньте, православные, в чем царский наш библиотекариус щеголять изволит.

Или:

– Кафтан да жупанина, дыра да рванина!

Онуфрич решил так:

– На ассамблею не миновать идти, против указа не открываться. Я надену черный с искрою зипун³⁶, который за долги у нас остался от квартиранта, немецкого певчего. А ты, Васка, надень свой полукафтан ученика Навигацкой школы, тот – васильковый, с алыми отворотами. Накладных же волос не надобно, сам государь Петр Алексеевич их не жалует. Возьмем ножницы и обкорнаем свою прирожденную зарось.

– Купил бы что-нибудь! – запротестовала баба Марьяна. – Век, что ли, будешь носить квартирантовы обноски?

Киприанов обещал: как Ратуша заплатит за прошлогодние заказы, выдаст на обнову всем.

---

³⁵ Скрыня – шкатулка, ящик.

³⁶ Зипун – род кафтана без воротника, с длинными рукавами и широкими полами.

Долгожданная ассамблея состоялась лишь в последний день святок. Губернатор Салтыков распорядился: ночью улицы на рогатки не запирают, дабы до утра шла праздничная езда. Главные ухабы – на Маросейке, на Басманной – завалить соломой, засыпать на скорую руку и рвы, оставшиеся от ожидаемого нашествия шведов. Указано было также учинить иллюминацию – зажечь на каждом дворе по плошке, а кто побогаче – по горящей из свечек картине, да не забыть приготовить по кадке с водой.

Как только Киприановы переступили порог Лефортова дворца, отец на глазах переменялся. Раскланивался с какой-то вымученной улыбочкой. Бяшину руку сжал нервно, словно клещами. Гайдук³⁷, который распахнул перед ними двери, даже глазом на них не повел, а отец и ему искательно поклонился. Тут кто-то, одетый в старомодную ферязь³⁸ со стоячим воротником, чуть не сбил их с ног, выходя прочь и сердито стуча посохом.

– Окаянство! – брюзжал он. – Это ли собрание благошляхетных? Какой-то сброд худофамильный!

– Аврам Лопухин! – зашептал отец Бяше. – Царский свояк³⁹, братец бывшей царицы Евдокии... Небось уходит от бесчестья: указано строго – в русском платье не пускать.

---

³⁷ Гайдук – слуга, лакей, телохранитель.

³⁸ Ферязь – старинная верхняя одежда богатых людей, род кафтана с высоким стоячим воротником.

³⁹ Свояк, свояченица – муж сестры, сестра жены.

Наверху сквозь гомон голосов слышалась музыка. На каждой ступени белокаменной лестницы стояли гвардейцы с красиво отставленными на вытянутую руку мушкетами. В канделябрах и висячих паникадилах⁴⁰ горело множество свечей, и все было так великолепно, как в божьем раю, подумал Бяша. Тут отец стал дергать его за рукав и шипеть в ухо:

– Кланяйся, да побойчее! Глянь сам вице-губернатор господин Ершов! Кто бы сказал, что чуть ли не вчера он из подлого сословия, как и мы с тобой. Но – величествен, но – умен! Ах, кланяйся, Васка, не жалея поясницы.

Вице-губернатор Ершов – худощавый господин в пышном парике и с усами щеточкой – в ответ на поклон Киприановых одарил их властным и рассеянным взглядом, но благосклонно потрепал Бяшу по щеке. Затем, словно забыв Киприановых, повернулся к своей свите и заговорил намеренно громко, чтобы слышали все:

– О да, губернатор господин Салтыков не поскупился на ассамблею, похвально! Однако уж не те ли это деньги, которые расхищены в казне на интендантских подрядах?

– Ой, Васка, – сказал отец, увлекая сына по лестнице, – давай, брат, от них подале. Знаешь – паны дерутся, а у холопов чубы трясутся.

А вот и обер-фискал, гвардии майор Ушаков, в Преображенском мундире, с голубой орденской лентой через плечо.

---

⁴⁰ Паникадило – висячий или стоящий вертикально светильник для нескольких свечей, люстра.

Он приветливо ответил на поклон Киприановых, а с вице-губернатором Ершовым облобызался по-старинному – крестнакрест. Вице-губернатор взял его под руку, заговорил любезно, но в самой его любезности чувствовалось, что перед обер-фискалом заискивает и он:

– Пример сей ассамблеи свидетельствует красноречиво, сколь благотворна воля монарха в любом ее проявлении, не правда ли, почтеннейший Андрей Иванович? Дабы подданные его не засиживались, как тараканы запечные, дабы с одурения усадебного небылиц не плели... Пусть просвещенная Европия не токмо через дела Марсовы⁴¹ в российские благородные дома входит, но и через галантности Венус⁴²!

На что гвардии майор ответил кратко:

– Заготовлен уже и указ о непременно сих ассамблей периодическом устройстве.

И поскольку Ершов вновь заговорил о своих распрях с губернатором Салтыковым, Киприанов, держа за руку сына, устремился по лестнице еще дальше, пока чуть не сбил на площадке мужчину весьма изможденного вида.

– Черт побери! – сперва было выругался тот, затем вдруг узнал Киприанова, захохотал и даже хлопнул его по плечу: – А, Киприашка, это ты? И ты пришел поношением российского боярства любоваться?... Ну полно, я шучу... Уж бо-

---

⁴¹ Марс – бог войны в древнеримской мифологии. Марс Российский – аллегорическое название русского войска в XVIII веке.

⁴² Венус, Венера – богиня любви и красоты в древнеримской мифологии.

лее не приду я к тебе за санктпитебурхской газеткой, завтра сам в столицу уезжаю. Государь мне милость свою возвернул через того самого обер-злодея Ушакова, через которого я ее и лишился.

Он отвлекся, отвечая на поклоны какого-то многочисленного семейства с недорослями и девами-переспелками, и Киприанов успел шепнуть сыну:

– Это тот самый Кикин, который...

– Ты мне сочувствовал, благодарю, – вновь повернулся Кикин к отцу, пожимая ему руку. – Сие тебе зачтется и нужный час.

И захохотал, поперхнулся:

– Да уж теперь и не знаю, когда он исполнится, этот час, государь-то выздоровел, хе-хе, скоропостижно... И все, кто смерти его чаял, обмишурились, ровно мыши на погребении кота!

И он нервно захихикал, обвел пальцем вокруг шеи, будто накидывая петлю, даже закатил глаза и высунул и язык, чтобы выразительнее показать, какая участь теперь ждет этих мышей.

– Завтра состригу свои космы, – продолжал он, нахихикавшись, – кои отпустил, как опальный стольник. Я ведь стольник, Киприашка, хе-хе-хе! Состригу – и в путь! Везу с собой обстоятельную челобитную государю, всех врагов отчества в ней разоблачаю, всех этих Меншиковых, Ершовых, всех Салтыковых, Ушаковых. Хоть они и грызутся меж со-

бой, а на самом деле они из одной шайки! Взгляни на меня, – Кикин указал в сторону зеркала, где было видно его отражение, – худ я, тощ, бледен, однако уныния во мне нету. Всех в сокрушение приведу, всех, всех!

Он держал Киприанова за пуговицу его чинного немецкого кафтана и даже крутил в такт своей речи. Наконец отпустил и оттолкнул легонечко.

– А за газетою санктпитебурхской приходить станет протопоп из Кремлевского собора Яшка Игнатьев – знаешь? Громогласный такой, невежа, дуrolом, духовный пастырь⁴³, хи-хи-хи!

И Кикин наконец отошел, а Бяше показалось, что отец испугался хихикающего Кикина больше, чем мечущего грома и молнии вице-губернатора Ершова.

Киприанов нашел на втором этаже покои, где собиралось купечество, и сказал сыну:

– Я тут побуду, а ты танцуй. Приглашай, да смелее.

– Кого же приглашать?

– Которая приглянется. Любую приглашай, раз такая царская воля вышла, любую...

Когда года три тому назад двор переехал в Петербург, казалось, жизнь московская вымирает. Ушла гвардия, цвет Московских кавалеров, а за нею, конечно, музыканты. Многие сомневались, соберут ли теперь для ассамблеи хоть ка-

---

⁴³ Пастырь (буквально – пастух) – церковное наименование священнослужителей, начальников вообще.

ких дудошников. Но губернатор Салтыков расстарался, нашарил их по усадьбам, по монастырям, приставил к ним немца-дирижера – и вот на хорах гобои, рожки, сурны, сопелки грянули церемониальный, а ноги сами заплясали, губы стали подпевать.

Губернатор Салтыков, как уверяли все придворные дамы, был ужасно похож на государя Петра Алексеевича – саженный рост, длинные ноги, круглые щеки – и даже глаза умел выкатывать и усики топорщить, ровно как государь в минуты гнева. Язвительный Кикин, правда, говорил при этом: «Шкура-то шкура, да в ней иная дура!»

Прошедшись перед зеркалом, поправив на животе орденскую ленту и встряхнув кружевными манжетами, чтобы выглядели попышнее, Салтыков принял у адъютанта Прошки Щенятьева золотую булаву⁴⁴ распорядителя ассамблеи и чуть не тыкал ею в дородные животы гостей, понуждая танцевать.

Нелегко было раскатать, вытащить из берлог старозаветную эту Москву. Расселись как истуканы, зевки скрывали в рукава, страдали в тесных немецких кафтанах. Глядя на мужей, страдали и супруги, сидя вдоль противоположной степы. Сыновья и дочери, наоборот, страдали от нетерпения танцевать, но не смели решиться. А музыка гремела.

Тогда великолепный Салтыков, вернув булаву Щенятьеву, схватил ближайшую из княжон Хованских, та только

---

⁴⁴ Булава – знак власти, жезл с шаром на конце.

пискнула. И понесся с ней на середину паркетного круга, сверкая голубизной бархатного своего кафтана и восклицая: – Вот как у нас, в московской нашей Европии, вот как!

За ним вся масса народа сорвалась с места, разбилась на пары, затанцевала, да так бурно, что слабые звуки гобоев потонули в грохоте танца. Слышались только мерные удары большого барабана, и казалось, что это вовсе не ассамблея на версальский манер, а исконное русское святочное гулянье скачет и резвится: «Трах, трах, тарарах, едет баба на волах!»

Бяша совсем растерялся. Кавалеры, кинувшись к дамам, затолкали его, выпихнули почти на лестницу, и там он увидел, как прямо на него мчится рослая девушка в обширном платье нежно-пунцового цвета. Ее пытались удержать охающие женщины и какой-то старичок в розовом паричке, а девушка отбивалась:

– Отстаньте, надоели! Зачем привезли, коли не танцевать?

И поскольку она налетела высокой грудью прямо на Бяшу, тот шаркнул ножкой, как учили его еще в Навигацкой школе, и принялся бормотать что-то насчет «Позвольте... Сделайте приятность...»

Девушка как будто только этого и ожидала. Она закрыла глаза, закинула обнаженный локоть ему на плечо – у Бяши сердце зашлось от волнения. Но он храбро взял даму за талию и понесся с ней вслед за танцующим Салтыковым – «топ налево, топ направо и раз-два-три!». Ничего трудного, все как показывал ему верный Максютя.

Его дама первое время учащенно дышала, вероятно, сердилась на своих спутников. Потом постепенно приятная бледность проступила сквозь слой румян, она приоткрыла ротик, и стали видны зубы, тщательно вычерненные по моде. Бяша понял, что надобно говорить.

– Купидону⁴⁵ угодны сии развлечения, ибо они дерзость сильному и прелесть слабому полу придают, – сказал он первое, что припомнилось из книг, а сам ужаснулся: «Боже, что я говорю?»

Но девушка подняла ресницы и одарила его светлым от восторга взглядом. И в тот же миг окончилась музыка.

Довольный собою губернатор Салтыков вновь вооружился булавой и пригласил не танцующих отцов в буфетную, в курительную, туда, где играли в шашки, а руководство танцами передоверил Прошке Щенятьеву. Дым пошел коромыслом!

А Бяша бродил, натываясь на шаркающих и раскланивающихся гостей, никого приглашать ему уже не хотелось, да он бы и не посмел. Нашел укромное местечко за креслом какой-то старой боярыни, откуда был виден весь зал.

Только после второго контрданса с подскоками он вновь увидел свою даму. Ее только что сопровождал после танца сам Щенятьев, а уже стояли, кланяясь и приглашая на польский, сразу два щеголеватых иноземца.

---

⁴⁵ Амур, иначе Купидон – в древнеримской мифологии крылатый божок любви.

– Ох, уж этот Прошка Щенятьев! – сказала боярыня, возле которой стоял Бяша. – Всюду он поспевает!

Боярыня приподняла парик, почесала распаренный затылок и доверительно обратилась к Бяше:

– Ведь этот Прошка почтенного окольного сына, я отца-то уж его как знала! А он, Прошка, как из басурманщины вернулся, сущая стал трясогузка. Бают, государь целый год его на забивке свай держал, пока чина не назначил. И чин какой-то несуразный – артиллерии кон-стапель! Словно кобель.

И Бяша, сам того от себя не ожидая, подошел и стал позади кланяющихся иноземцев. Грянул польский, девушка, увидев Бяшу, сама подала ему руку мимо кавалеров. И пошли они вновь с поклонами и реверансами, будто этим только и занимались всю свою жизнь.

Бяша понимал, что молчать неприлично, но решиться никак не мог. В тот раз было все как-то само собой, а теперь он просто боялся сбиться с ноги. Тогда девушка, выждав фигуру, где Бяша крутил ее, взяв за талию, покраснела ярче помады и произнесла с запинкой:

– Коль Аполлин искусством верных награждает, то Венус дружеством любезным их венчает...

И вновь опустила ресницы.

Бяша не успел придумать, что ответить, как почувствовал, что рука девушки соскользнула с его плеча и сама она вдруг куда-то исчезла. Он остановился. А громогласный губерна-

тор Салтыков принялся кричать в его сторону, грозя кому-то булавой:

– Эй, мамки-няньки или кто вы есть! Не дело забирать даму во время танца, не дело!

А старухи уводили Бяшину даму в сторону, негодуя:

– Он же нищий, глянь! У него же кафтан залатан!

У Бяши сердце мучительно сжалось – это у него ведь кафтан залатан, аккуратненькой такой латочкой, кажется, что и в двух шагах ничего не видно!

И побрел он, не оборачиваясь, проталкиваясь сквозь ряды гостей в анфиладах. В раззолоченном охотничьем зале под оленьими рогами немцы пили пиво из кружек с фигурными крышками, качали шляпами, рассуждая о варварской Московии, где, однако, так легко разбогатеть! В гербовой галерее, возле бледных шпалер⁴⁶ с изображением античных героев, купечество громогласно обсуждало свои торговые заботы.

Отца нигде не было, да и едва ли он стал бы проводить время здесь, среди чванных иноземцев и спесивых ратушных заправил.

В анфиладе покоев с расписанными потолками расположилось нетанцующее дворянство, обильно прикладывалось к водочке, которую солдаты разносили в деревянных ушатах. Явился сюда и взмокший от пота губернатор Салтыков; дворяне обмахивали его чем попало – треуголками, игральны-

---

⁴⁶ Шпалера – гобелен: ковер с вытканной на нем картиной.

ми картами, отстегнутыми кружевами от манжет. Салтыков хватил с устатку целый ковш и принялся плакаться на свою губернаторскую жизнь:

– Днесь погибаем! Господин обер-фискал привез указ – к весне чтобы двадцать тысяч лучших семей переселить в Санктпите́р бурх! Пропала Москва-матушка! Приказы велено в Санктпите́р бурх также переводить, конторы всякие, учреждения. Преображенского приказу велено половину туда же отослать. Кто крамолу-то на Москве выводить будет? Отвечай, Кикин, ты слынешь здесь главным мудрецом.

– Ты и будешь, – отвечал ему Кикин, прожевывая беззубым ртом анисовый пряничек. – На то ты и губернатор, чтобы крамолу выводить. А не так, то тебя обер-фискал самого выведет.

Все засмеялись, боязливо, однако, поглядывая под арку, в соседний покой, где обер-фискал играл в шашки с голландским шкипером.

– Какой я здесь губернатор! – закричал Салтыков, опрокидывая новый ковш. – Вчерашний холоп смеет мне дерзить! Ты, Кикин, как будешь при дворе, молви там государю... У меня бабка была царицей и тетка царицей...

– Тише, тише! – пытались его уговорить, оглядываясь под арку.

Но там обер-фискал был поглощен шашками – дурак иностранец никак не проигрывал начальству.

Салтыков заплакал и, забыв о своем сходстве с самим ца-

рем, положил губернаторскую головушку в лужу вина на столе.

– А ведь верно, – сказал князь Кривоборский, древний, как дубовое корневище. – Худофамильные эти обнаглели. Вот и сюда, на санблюю эту, чернь-то зачем напустили?

Другой, еще более мрачный, еле втиснутый в узкий немецкий кафтан зло крикнул:

– А ругательное обещание персон наших брадобритием?

Какой-то дворянин с серебристым ежиком волос, судя по долгополой одежде – дьяк, что значит по-новому ассессор, повторял каждому, бия себя щепотью в грудь:

– А мне-то, мне-то каково? Поместье мне дали государево в вечное владение, на том спасибо. А что там, в моем поместье? Солому толкут и из той соломенной муки пекут хлеб. С меня же только и требуют – рекрутов подай, коней добрых подай, корабельную деньгу опять же подай...

– Тяжко всем! – вздохнул князь Кривоборский, сцепляя на животе узловатые пальцы. – Тяжко! От высшего боярина до последнего бобыля... А вот мы у Кикина спросим, у Александра Васильевича, он у царя первейшим был бомбардиром. Скажи нам, свет наш, когда всем нам послабления какого-нибудь ждать, а?

Торжествующий Кикин (еще бы – опять ему, Кикину, в рот смотрят) помедлил для важности и изрек:

– Государыня Екатерина Алексеевна родить изволили ца-

ревича, Петром Петровичем, вестимо, нарекли.

Он благочестиво перекрестился, закрестились и все, выжидая, куда он клонит.

– И у царевича старшего, – продолжал Кикин. – У Алексея Петровича, государя-наследника, тоже прынец родился, Петр, значит, Второй, Алексеевич.

Кикин закрыл глаза и развел руками. Все вокруг завздыхали, закивали головами – мол, понимаем щепетильность положения, да молвить не смеем.

– А государь, бают, уж так был плох, так плох... – сказал Кикин со всей скорбью в голосе, на которую был способен. – И ныне, сказывают, еще не совсем в себе. Вот за рубеж отъезжают, к целебным водам, здоровья драгоценного ради... Все в руце божией, как знать? Заснем при одном царствовании, а проснемся при другом.

Все замолчали, мысли шевелились туго. Молчание это и встревожило обер-фискала более чем любой пьяный гам. Он смешал шашки перед непокорным шкипером и явился из-под арки к дворянам, которые сидели, уставясь на спящего за столом губернатора Салтыкова.

– Ей-же-ей, российское шляхетство! – воскликнул обер-фискал. – Зря вы тут головушки повесили. Не отберет никто ваших благородных привилегий. Имею вам сообщить – Правительствующий Сенат как раз готовит некоторую табель, в коей каждому по знатности и заслугам его надлежащий ранг, сиречь чин, уготован. А кто самовольно вылезает из подло-

го состояния, будь он хоть трижды... — Ушаков остановился, чтобы не называть, кто именно, и продолжал, возвысив голос: — ...в прежнее состояние и вернем!

Бяша увидел отца, он стоял у арки, прислушиваясь к разговору знатных. При словах обер-фискала он затряс головой, как бы отгоняя наваждение, схватил за руку подошедшего сына:

— Домой, голубчик мой, только домой...

А в соседнем зале офицеры шумно пили за здоровье новорожденного царевича Петра Петровича, именовали его наследником престола российского, кричали: «Виват!» Слуги гремели посудой, накрывая роскошный ужин. Но Киприановы ушли, ни с кем не прощаясь.

Мела выюга. Простой народ, пришедший к Яузе полюбоваться на фейерверк по случаю ассамблеи, уже расходился. Киприановы заиндевели, пока докликались своего Федьку, который где-то ждал их с шубами и с санным возком.

Федька был сильно на взводе, он тоже праздновал с господскими возницами. Огрызнулся на упреки Киприанова: «Что я тебе, холоп? Я солдат государев!»

— Эй, спотыкливые! — кричал он на лошадей, правя сквозь усиливающуюся метель. — Тары-бары, растабары, собирались бояры...

— Мели, Емеля, твоя неделя, — сказал ему Киприанов.

— Глянь, хозяин, — Федька указывал кнутом куда-то и сторону Земляного вала. — Видишь там, у костров-то, поди? Это

десять тысяч землекопов в Санктпите́р бурх гонит. Сказано, чтоб трезвые были и доброго поведения. А губернатор-то Салтыков деньги, которые им на прокорм были отпущены, на самблею эту пустил, чтоб ей нелады... Вот и мрут они с голоду прямо на дороге!

– Федька! – прикрикнул на него Киприанов.

– Что – Федька? – распалялся тот. – Кому Федька, а кому и Федор Лукьяныч! При Полтаве, как стояли мы в строю, сам царь назвал нас – отечества сыны! Это для того ли, чтоб отечества сыны при дорогах околевали?

Киприанов не знал, как его урезонить. Но тут у Ильинских ворот Федька зазевался, и возок наткнулся на шлагбаум. Рогатка затрещала, а Федька вылетел в сугроб. Пришлось пару грошей кинуть ярыжкам⁴⁷, чтобы они не бранились, Федьку уложили в сани, а на облучок сел Бяша.

Править было все трудней, метель разгулялась, так и секла. Иллюминацию загасило, и по ухабистой Ильинке ехали на ощупь.

Наконец послышался перезвон часов на Спасской башне. Нырнув в последний ухаб возле Лобного места, санки вынеслись к полатке, освещенной сполохами караульного костра у кремлевских ворот.

Заехали со стороны Василия Блаженного к калитке. Сквозь щели забора виделся свет – баба Марьяна в поварне дожидалась их возвращения. Соскочив с облучка, Бяша

---

⁴⁷ Ярыжка – полицейский.

только собрался постучать в калитку, как увидел, что кто-то сидит на снегу, прислонясь к их воротам.

– Батя, кто это? – вскричал он.

Хлопнула щеколда, закрипела калитка. Вышли на их приезд баба Марьяна, Алеха, бессловесный швед Саттеруп. Баба Марьяна тронула валенком сидящего на снегу.

– И! – сказала она. – Девка, это, побродяжка. Я уж нынче ее раза три отгоняла, такая настырная! Да она, не одна, у нее малец, годков пяти. Под шубейкой она его от мороза прячет.

– Ну и пустила б ее, – пожал плечами Киприанов. – Вон какая свистопляска!

– Как бы, не так! Ты-то, Онуфрич, все с ландкартами своими, а земскому десятнику объяснение кто будет давать за проживание посторонних? А вдруг она еще и беглая?

Отец и сын наклонились и увидели поблескивающие из-под платка полные тревоги глаза.

– Ладно, сватья. – Киприанов положил руку на плечо бабы Марьяны. – Давай пустим ее, утро вечера мудреней.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Амчанин тебе во двор

День-деньской шумит московский славный торг во Китай-городе. Все товары по рядам расположены – от Ветошного к Шапошному, от Скобяного к Овощному, где, кстати, и писчую бумагу, и мыло грецкое, и даже книги можно купить. День-деньской движется, кипит толпа в рядах, где торгуют. Тут и божба, и клятвы, и обман, не зря ведь сказал вирше-слагатель: «Чин купецкий без греха едва может быть...». Заключив сделку, торговцы бьют по рукам и спешат к Василию Блаженному или Николе Москворецкому поставить свечу, а затем и в трактир – обмыть магарыч.

– Тятенька, глянь, кто это? Морда губастая, волосатая, а на спине горбы. Ой, страх-то какой, боже!

– Цыть, малой, помалкивай! Это велблуд⁴⁸, тварь такая из Индеи, на нем персидский товар привезли.

– Ой, тятенька, тятенька... А вот этот кто же такой? Никак, сам супостат из преисподней? Лицо чернящее и в ушах кольца!

– Цыть, говорю тебе! Гляди лучше в оба, а то как раз кошелек уведут. И не супостат это вовсе, а ефиоп, племя такое! Вот рыжки схватили вора, орут не судом, не разберешь,

---

⁴⁸ Велблуд – древнерусское произношение слова «верблюд».

кто громче – поймавшие или сам пойманный. Наперебой зазывают сидельцы из лавок:

– А вот сюда, сюда, почтенные, здесь самый лучший товар-с! Ножи есть мясные из железа кричного, а кому угодно ножи чацкие, черненые! А вот шилья халяпские по тыще в связке, ежели кто две связки зараз купит – тому три деньги уступка!

Мальчонка из подвальной лавки хочет всех перекричать:

– Портки, портки, портки! Девять копеек пара! А ну налетай, подешевело!

Степенные покупатели ходят, пробуют; прежде чем купить, из одного ушата зернистой икры откушают, потом из другого ушата – паюсной, да еще поморщатся – с душком.

Продавцы терпят, знают: этот, например, дворецкий князя Долгорукого, если уж купит, так сразу пуд⁴⁹.

На перекрестке в самой толчее устроился кукольник, задрал над головой полог, там у него уже Петрушка скачет, дерется игрушечной дубинкой, пищит тонюсенько:

– Вот каков Петрушка, пинок да колотушка, боярам сопلي вытер и переехал в Питер!

Купцы хохочут, кидают Петрушке медяки, которые он ухитряется хватать своими игрушечными лапками. Какой-то монашек в скуфейке⁵⁰ отплевывается, крестится. А земский

---

⁴⁹ Пуд – мера веса; около 16 килограммов.

⁵⁰ Скуфейка, скуфья – комнатная шапочка, ермолка, также головной убор духовенства.

ярыжка в рыжем полушубке и замусоленном парике грозит кукольнику палкой – не забывайся. Разбойный приказ недалеко! Но самая солидная торговля – на Красной площади. Там, перед собором Покрова-на-рву, который именуют также Василием Блаженным, там еще при царе Алексее Михайловиче были построены длинные ряды в два жилья, одно над другим. Над нижним сооружен навес на столбах, обитатели рядов не без фасона зовут его «галдарея». Это и есть Покромный ряд – товары красные, бурмицкие, златошвейные, заморские. Тут нет такого галдежа, такой маеты, как в лавках ильинских или никольских. Тут сделки сотенные, разговоры степенные.

Да на Красной площади тихого уголка и не сыскать. Бредут страннички с котомками, в лаптях, разбитых с дороги, стража гонит их подальше от ворот. Крестятся они на купола, сияющие в лазоревом небе, дивятся на шведские пушки – единороги⁵¹ и мортиры. На каменных раскатах вдоль Кремлевской стены выставлены трофеи недавних побед, а под раскатами опять же лавки – и там торгуют. Вот привели к Лобному месту несостоятельного должника на торговую казнь. Он, опустив голову, стоит в одних подштанниках, пока палач выбирает батоги, а приказный с носом, сизым от нюханья табака, разворачивает свиток с приговором. Жена и дети осужденного плачут, купцы же из лавок похохатывают,

---

⁵¹ Единорог – сказочное животное, часто изображавшееся на пушках, отчего иной раз наиболее крупные пушки назывались единорогами.

пальцами кажут.

И над всем этим плывет в январском морозном небе перезвон множества колоколов – звон медный, бронзовый, густой и, как уверяют сами жители Москвы, малиновый.

– Что, Васка, начал торговлишку-то? – спросил прохожий, заглянув в самую крайнюю полатку Покромного ряда, что у Спасских ворот. – Не идет к вам никто? Сказывали мы твоему батюшке, сказывали: не станет люд московский покупать гражданскую книгу, он к старине привержен. Прогорите, хе-хе-хе!

Бяша Киприанов – а именно он торговал в этой полатке – с досадой хлопнул ставней лавочного раствора.

Действительно, накануне под барабанный бой было объявлено, что в полатке у Спасского крестца открылась библиотека государева, где можно купить любую книгу, а кому угодно – картину новой печати, також и для прочтения выдаются, но никто пока к Киприановым не пришел.

День-деньской плещется Москва торговая, деловая, приказная, военная, злоязычная, плещется на Красной площади, как некий океан, у раствора киприановской библиотеки. Вот зашел мужичонка, долго крестился в красный угол, потом спросил шепотом, кто здесь перепишет ему прошение в Сенат. Долго Бяша втолковывал ему, что площадных писцов упразднили, теперь по царскому указу бумаги перебеливают в самих учреждениях. Мужичок все крестился и шепотом умолял написать ему челобитную.

А то забежала чья-то дворовая девка, потребовала свечей и кофейных зерен. Бяша предложил ей купить гравированную картину «Егда же и небываемое бывает» – про морскую баталию, – она отскочила, будто ей совали черта.

Потом начали хаживать старички книготорговцы из Книжного ряда – Белозерцовы, Сотниковы... Хмыкали, подзююкивали. А грубый Несмеян Чалов, который скупает книги рукодельные в Монастырский приказ, посулил мышей принести из своего амбара. Они-де у него прошлым летом поели полсотни Притчей⁵² Эссоповых, сиречь Басен Езопа, как раз амстердамской новой печати, так теперь пусть у Киприановых те мыши и питаются!

В книжной лавке, в новооткрытой той библиотеке, стоял холод невообразимый. Оба раствора Бяша распахнул пошире, чтобы видны были прохожим куншты – гравированные картины, а также персоны государя, царицы Екатерины Алексеевны, царевичей, царевен... Хуже всего стоять просто так, без дела, – ноги коченеют, пальцы на руках не владают совсем.

Забежал на миг Максюта, приказчики его за перцовкой послали. Узнал, что торговля не идет, махнул рукой:

– Говорил я тебе, в Санктпитер вам надо ехать, в бурх! Вся Россия теперь там, в Москве-то что осталось...

Бяша, чуть не плача, отошел. Максюта огорчился:

– Я же с сочувствием... Ну, сказывай лучше, как там у вас

---

⁵² Притча – басня, аллегорический рассказ.

давешняя беглянка, жива?

В то утро после пресловутой ассамблеи Бяша, проснувшись, долго лежал, силясь понять, что в его жизни вдруг произошло.

Снилось, что ли, это все ему? Дразнящий запах духов, женская рука на плече – хоть дотронься губами. Обмирала душа! И кружение в танце, и гром диковинной музыки, и треск множества свечей. Ах, Бяша, Бяша, Василий-младший Киприанов, куда вдруг покатилося Фортуны резвой колесо?

Внизу, в поварне, стоял галдеж. Слышался высокий, как на клиросе, голос бабы Марьяны. Отец возражал ей кратко, а Федька хохотал и вставлял свои рацеи⁵³. У них на поварне чуть ли не каждое утро затевался диспут.

Но вот что-то новое послышалось в гаме спора. Незнакомый девичий голос что-то объяснял, захлебываясь слезами, и от голоса этого, нежного и страдающего, у Бяши друг душа сжалась в ледяной комок. Вспомнились ясно молящие глаза из-под платка, мороз, метель, сполохи костра... И насмешливый тон бабы Марьяны: «Девка это, побродяжка...» Какая уж там ассамблея! Словно иглою стальной пронзило – больше ни о чем думать не мог.

Встал, накинул армяк⁵⁴, вышел в поварню. Отец и подмастерья из общей мисы полудновали вчерашними щами. Увидев Бяшу, отец протянул и ему ложку.

---

⁵³ Рацея – нравоучение.

⁵⁴ Армяк – род долгополого халата из грубой шерсти.

Баба Марьяна двигала ухватом в печи, ворча себе под нос:
– И что тут мудровать? Сдать их в поместную канцелярию, там приказные стрючки живо найдут, чьи это людишки. Не найдут, так приклеют.

– Во-во, приклеют! – захохотал Федька.

– Довольно! – Отец стукнул ложкой.

Некоторое время слышалось только жеванье и хруст разгрызаемого чеснока.

Бяша взгляделся в полутьму поварни, освещаемой тусклым слюдяным оконцем. Совсем рядом на лавке сидел мальчик лет пяти, держал калач. Широко расставленные глаза его с любопытством смотрели на новый уклад, куда довелось попасть. Баба Марьяна с утра успела пришельцам устроить баньку, переменяла чистое, что нашлось, а прежние лохмотья сожгла. Так и хотелось погладить по пшеничной головенке этого богатыря, что Бяша и сделал.

И тотчас заплакала девушка, которая мыла тарелки у лохани в углу. Отвернулась, уткнувшись в передник; видно было, как вздрагивают ее худенькие плечи под холстинной Марьяниной поневой⁵⁵.

– И плачет-то не от кручины, – сказала баба Марьяна, швыряя из печи сковороду на стол. – Плачет, ровно над нами смеется.

– Сватья! – повысил голос отец и встал.

Несмотря на известную всем кротость нрава, Онуфрич

---

⁵⁵ Понева (панева) – женская шерстяная длинная рубаха или юбка, платье.

мог и из себя выйти, и тогда уж – беда!

– Да я что... – Баба Марьяна сняла с себя фартук и повесила на гвоздь. – Я тут не хозяйка. Пусть поживет, себя покажет. Посмотрим, как управится с твоим ералашным домом.

Но отец уже не мог остановиться:

– А я что же, в своем доме лишний? Все желают мне указывать! Не так-де живу, не так верую, не с теми-де кумпансто вожу! Живу, однако, так, как велит мне долг политичный, гражданский. Господином генерал-фельдцейхмейстером zelo обнадежен, он же сказывает – и государь милостив ко мне. И плевать, что толкуют обо мне в рядах, что скрипят в Кадашах, что ахают в богоспасаемом Мценске, вся родня!

Федька, по своему обыкновению, смеялся, подмастерья жевали. Один бессловесный швед Саттеруп посочувствовал хозяину: зачерпнул ковшик кваса, подал – дух хотя бы перевести.

Киприанов Василий Онуфриевич не помнил родства. Как очутился он в Кадашевской сотне, как мальчонкой встал подручным у ткацкого стана, он не мог объяснить. Прозвище его, как занесено оно писцом в сиротскую запись, явно отдавало поповским – не Купреянов, как говорят в деревнях, а именно Киприанов, на греческий лад. Да еще из глубин младенческой памяти может он исторгнуть страшный пожар, пламя бушует везде, словно стоглавая гидра, он сам, другие дети, какие-то бабы стоят на коленях, держат образа... Кто знает? Бревенчатая тесная Москва частенько выгорала.

Затем хамовный староста подметил способность мальчика к счету, к рисованию. У старосты был кум в услуженье у ученого человека – Леонтия Магницкого, тогда еще студента Академии славено-греческой. Кум и устроил молодого ткача вместо себя к студенту сапоги чистить, заодно и голодать вместе с нищим господином. Так оба, и хозяин и слуга, попали в Навигацкую школу, когда была она учреждена царем Петром.

А при втором Азовском походе Киприанов, человек уже на виду, был послан со сметливыми иноземцами в Воронеж для расчета строящихся там фрегатов. Иноземцы, по наглости, что ли, ихней, в пропорциях зело оплошали, а Киприанов – нет. Тут государь его впервые приметил. Поручил даже Киприанову с отрядом драгун искать корабельный лес в рощах по берегам Хопра. Раз ночью у догоравшего костра его разбудил драгунский сотник:

– Вставай, Онуфрич, не желаешь поразвлечься? Казаки девок привезли, продают.

– Каких таких девок?

– Полонянок, православных, у татар отбили, когда те из набега низом шли.

– Да как же можно – русских, православных, и продавать?

– А кто им, казакам, запретит? В степи они – хозяева...

Одна полонянка, худенькая, грустная, в порванной посконной поневе, вот точно такая же, как эта теперешняя беглянка, просто резанула тогда сердце юному Киприанову. А

драгунский сотник подзуживал:

– Купи, купи, Онуфрич, у тебя же деньги корабельные есть. Казаки ее все равно продадут. Хорошо, если не гололобым. А нам она будет портки стирать.

На другой день драгунский сотник на Киприанова криком кричал, узнав, что он отпустил купленную девку со встречаемыми монашенками домой. Оземь швырял драгунский сотник свой треух, так хотелось ему той грустной полоняночкой владеть. А когда вернулись в Воронеж, тут же доложил по начальству. У Киприанова открылась, ясно, недостача. Дали ему двадцать плетей, которые он вытерпел без стога – было за что терпеть, – и отослали обратно в Москву к Леонтию Магницкому.

Прошло еще время, съездил Василий Онуфриевич Киприанов в укрепленный городишко Мценск, что стоит на форпосте засеки⁵⁶, от злых крымчан московский край оберегает. Там, в Ямской слободе над полноводной Зушей, что несет барки с хлебом в матушку-Оку, нашел он свою полоняночку, которая его ждала. Затем, как водится, была свадьба, затем родился младший Киприанов, этот самый Бяша, затем житье-бытье в Москве – в скудельных Кадашах.

Как бог дал, так бог и взял. Прошла черная оспа, крылом адовым задела. Были ведь годы, когда Москва от напа-

---

⁵⁶ Засака, или Засечная черта – система оборонительных сооружений на южной границе Русского государства в XVII веке для защиты от набегов крымских татар.

сти этой сплошь вымирала, а тут мор прошел поулично, где повезло – никто не болел, а где не повезло – целые порядки лежали мертвецов. У Киприановых унесла она любимую их, ненаглядную. Вернулись отец и сын после похорон в пустынную, страшную камору свою в Кадашевской слободе – не придумают, что и делать, руки повисли. Однако обошлись, обгоревались, принялись – отец за труд, сын за учение (только что в Сухареву башню отдан был).

И в одно праздничное утро (лето было – Троица⁵⁷ либо Спас) в ихнюю избушку, которую они снимали в ту пору близ Сухаревой башни, ввалилась целая куча народу.

Впереди шел мужик рыжий и ражий в ямщицком армяке, протянув к Киприанову руки, жаждущие объятий:

– Ой, да что ж ты, свет ты наш Онуфрич, что же ты не отписал нам во Мценск о кончине нашей дражайшей сестрицы? Ведь мы не чужие, помогли бы, ободрили... Вот глянь, дела побросали, все к тебе приехали – племяш твой Кузьмич, оба свата – Силка да Семейка, а вот свояченицы Пелагея, Фетинья, Марьяна... Я же – ай не признаешь? – Варлам, шурин⁵⁸ твой, брат покойницы!

Как не признать! Жители Мценска, сиречь амчане, люди общительные, радушные, что не наедят, то напьют, что не выпросят, то так утащат. Недаром говорят, что Мценск цы-

---

⁵⁷ Троица – по церковной мифологии, три божества (бог-отец, бог-сын, бог – дух святой) в одном лице; также церковный праздник.

⁵⁸ Шурин – брат жены.

ганы за семь верст объезжают. А то еще, когда кто хочет кому несчастье накликать, желает тому: «Амчанин тебе во двор!»

Спустя неделю амчане нагостевались, утомились от многошумной Москвы, и рыжий Варлам сказал Киприанову:

– Ну, вот что, брат Онуфрич. Надобно жить по-родственному. Тут у вас на Москве торг бесподобный, большие можно иметь куртажи⁵⁹. Мы к тебе станем то подводочку посылать, то, глядишь, воз. Ты же в бурмистерской палате свой человек, привилегию нам спроворишь, местечко в рядах... Надобно тебе и дом собственный становить, что же ты все в квартирантах ютишься?

Затем он выкушал за здоровье хозяина стопку настойки и, заев огурцом, сказал особо проникновенно:

– И не пора ли уж, брат, тебе заново жениться? По-родственному сказываю, несмотря что покойница была мне любимая сестра. Вот обрати-ка взор на Марьяну, вдовица она, моей жены сестра, следовательно, мне свояченица и тебе не чужая. Статью, важеством господь ее, гм-гм, не обидел, и лета ее еще не ушли...

Вечером Киприанов с сыном заперлись в гравировальной мастерской, которая в те поры размещалась тоже в Сухаревой башне. Киприанов помнил, что жена его, покойница, мценских родичей своих отнюдь не жаловала. Очень была скрытна она по поводу обстоятельств полона своего у крымчаков. Можно было только догадываться, что кто-то сыграл с

---

⁵⁹ Куртаж – прибыль, выгода.

ней шутку наподобие как с библейским Иосифом⁶⁰ его братья.

Думали они с мальчиком думу свою, больше молчали, мать невидимо стояла тут. Назавтра Киприанов, прикусив губу от неловкости, объявил шурина, что жениться не согласен. Амчане нисколько не обиделись, учинили прощальное возлияние и отбыли восвояси. Но Марьяна-то осталась!

Хозяйка и взаправду нужна была шумному мужскому обществу, каким был, по существу, киприановский дом. А уж хозяйничать баба Марьяна умела.

– Я вдова божья, беззащитная, меня обидеть – великий грех, на Страшном суде вдвое зачтется!

Что же касается сирот, прибившихся к киприановской полатке, была, однако, и ее правда. По всей Москве отчаянный сыск шел беглого люда. Ежели и не докажут, что беглые, все равно приказные крючки душу вымотают и догола оберут.

Поэтому, когда баба Марьяна со значением повесила свой хозяйский фартук на гвоздь, а Онуфрич взорвался и наговорил лишнего, некоторое время в поварне была сосредоточенная тишина, подмастерья даже жевать перестали.

– Ладно уж тебе, Марьянушка! – Солдат Федька примирительно хлопнул в ладоши. – Неужто у тебя не христианская душа? Обороним их как-нибудь от приказных лиходеев! Тебе помощница уж как нужна – и постирать за нами и

---

⁶⁰ Иосиф – библейский персонаж, отрок, которого, по преданию, родные братья тайком от родителей продали в рабство.

пострыпать. И я, грешный, глаз свой тешил бы на старости лет – глянь, какая она красавушка!

– Молчал бы! – махнула на него баба Марьяна. – Посмотри на себя в зеркало, рожато как рукомойник!

Все засмеялись, заговорили, стало ясно, что Марьяна уступает. Федька поманил девушку к столу.

– Да как звать-то тебя, скажи.

– Устя. Устиньей крестили. Отца-матерь не помню. Пого-рельцы мы, сироты. Христа ради питаемся при дороге...

– Ох, таранта, таранта! – пробурчала баба Марьяна. – То она плачет, то она скачет.

– А херувимчик этот? – Федька указал на мальчика.

– Он мне не брат. Никто. Так, побирушка, звать Авсенья.

– Как? – воскликнули все удивленно.

– Авсенья...

– Уж не гололобый ли? – подозрительно наклонилась к нему баба Марьяна. – Что за басурманское имя! Как тебя звать-прозывать, парень?

– Василий, – ответил мальчуган важно и даже болтать ногами перестал.

– Да, да, Василий, – подтвердила Устя.

Все облегченно перевели дух, а Киприанов засмеялся и как составитель календарей пояснил, что Авсеньей в некоторых уездах по старинке именуют Васильев день, что приходится на колядки.

Еще один Василий! Это дало повод солдату Федьке вновь

потешиться, а новоявленный Авсенья глядел на мир безмятежными глазищами и ел себе калач.

— Да откуда ж вы идете, горемычные? Нет ли в тех местах какой погибели или чумы?

— С каликами мы ходили, со старцами, Христа славили по дворам, по усадьбам. Царские ярыжки старцев святых забрали, яко тунеядцев, а мы вот утекли, бог спас. А идем мы из города Мценска.

Вот те на!

Если бы в слюдяное оконце вдруг влетела жар-птица, она не наделала бы такого переполоха, как упоминание о славном сем граде. Из самого города Мценска! Баба Марьяна стала тут же допытываться, кто там протопоп да как там дьячка зовут и прочее. Но Устя выдержала ее розыск.

Решили: поскольку по штатной росписи библиотекариус со всею чадью присовокуплен к Артиллерийскому приказу, то станет бить челом Василий Онуфриев сын Киприанов, чтобы сироты Василий малолетный да девка Устинья были приписаны туда же.

Все сие и поведал Бяша своему другу Максюте, когда тот забежал узнать, как идет торговля. Максюта выслушал и мрачно сплюнул.

— А моя-то Степанида сокрылась, как солнышко во облаках.

— Что-нибудь случилось?

— Признаться уж, ранее тебе я не сказывал. Мы с нею ведь

иной час виделись, было дело. Она балованная, не гляди, что батя ее грозен, она им крутить умеет. От меня же ей песни надобны, до песен любовных Степаниде зело охотница, я их знаю – жуть. Ну, а после той ассамблеи треклятой... Жаль, что ты мою Степаниду в лицо не знаешь, а то спросить – ты там за ней ничего не заметил?

– Да если б и знал ее, как заметить? Там народу было – ой-ой-ой!

– Тыща?

– Ну, может, и не тыща, а штук пять сот.

– Так вот, после той ассамблеи она мне ни шумочка, ни глазочка. Уж я перед ее светлицей в день по двадцать раз прохаживаюсь. Старший приказчик, чтоб ему лихоманка, меня за вихор драл... Не иначе, кто-то ее там присушил!

– Да на что же ты надеешься, Максюта, друг?

– Понимаю, я же не дуботолк какой-нибудь, понимаю. Кто есть я – червяк безродный, и кто она – гостиной сотни первейшего ранга дочь. Но ведь бывает, случается же! На торжке сказывали, ярославского одного купца приказчик сговорил того купца дочку с ним бежать. Как называется – увозом венчался! Так купцовы сыновья потом приказчика того до полусмерти лупцевали. Однако выжил приказчик, и купец его зятем признал.

Бяша на Максютины речи только головой покачивал.

– Как же быть мне, Васка, голубчик? – горевал Максюта. – Как мне в люди-то выйти? Давеча господин природный мой

Елагин, стольник, или, по-теперешнему, камергер, управителя своего прислал, с московских крепостных оброк собрать за год вперед, их превосходительство с царем в чужие земли отбывают... Ведь это что, Васка? Ведь мне-то самому платить нечем, за меня оброк вносит; по уговору хозяин, купец Канунников. А он, Канунников, даром что Степанидин отец, знаешь он какой. И кафтанец он мой отберет, и волосы накладные, и все, все, все!

Максюта соорудил плаксивую мордочку.

– Эй, молодые купцы! – В распахнутый раствор въехал медный котел на пузе разносчика. – Не угодно ли горяченького сбитня⁶¹? Кишочки прополаскивает, от безденежья помогает!

Взяли по кружечке за грошик.

– А что, Бяша, – Максюта отвлекся от своих горестей, дуя в обжигающий сбитень, – почему бы в лавке вашей печку не поставить? Экий ведь холодина! Ведь у вас и не совсем даже лавка – библиотека!

– Есть такой указ – в торговых рядах не разрешать печей, пожаров во опасение. У вас ведь в суконной сотне тоже без печей.

– У нас товары другие... А тут, гляжу, книгу ты листаешь, не снимая рукавиц. Да и порчи небось много – сыреют листы, переплеты. А указ – он что? Указ что дышло – как повернул, так и вышло.

---

⁶¹ Сбитень – сладкий горячий напиток на меду с пряностями.

– Покромные старосты нас тогда напрочь заедят. И то ябеды сколько пишут, что в поварне мы живем да и ночуем. В рядах жить ни одному торговцу не позволено. А наш новый дом в сельце Шаболове еще только под крышу подводят.

В этот миг в раствор сунулась всклокоченная козлиная борода и рука, потрясающая клюкой:

– Максютка, кашенок, разрази тебя лишай! За смертью тебя, что ли, посылать?

Максюта взвился и выскочил вон, ловко минуя карающую клюку.

А зимний день клонился к закату, людской прибой ослабевал, над переулками умиротворенно звонили к вечерне. Тогда наверху, перед раствором лавки, стали сгущаться тени каких-то людей, слышался визг санных полозьев, могучее «Тпру!». Кто-то командовал: «На краул!», кто-то почтительно говорил: «Милости просим!»

В лавку вступил начальственный господин в шубке и в кудрявом парике. У него были усики щеточкой, по которым Бяша узнал вице-губернатора Ершова. Чуть впереди него, пятясь и кланяясь, сходил по ступенькам отец, делая пригласительный жест рукой. За Ершовым же шел тучный дьяк Павлов, артиллерийский комиссар в Московской губернии. Бяша хорошо его знал, он был прямым начальником отца.

За ними двигалась еще целая куча людей в форменных одеждах, заполняя все пространство между прилавками. Все они явились, вероятно, от обильного стола, многие еле скры-

вали зевоту. Изю ртов вылетали морозные пары.

Вице-губернатор, который как никто был бодр и ясен, указал перчаткой на ряды полок с книгами:

– В открытии библиотеки сей новое свидетельство неусыпного попечения монарха о благосостоянии народном имеем. Еще столь недавно, памятно всем, по сугубому настоянию Петра Алексеевича здесь же, на древней площади Красной, открывали мы главную аптеку лекарств, врачующих телесно. Ныне распахиваем врата иной аптеки – для души... Ах, что я зрю?

Ершов поднял с прилавка тяжеленный фолиант, и адъютанты кинулись поддерживать. Помусолив палец, вице-губернатор открыл титульный лист.

– «Се книга о экзерцициях⁶², церемониях и должностях воинских, людям надлежащих, – прочитал он торжественно. – Напечатана повелением царского величества в городе Санктпитер бурхе...» Мы еще не видели книги сей. Давно ли получена?

И хотя он обращался к отцу, Киприанов, прежде чем ответить, вопросительно взглянул на дьяка Павлова. Тот шевельнул толстыми пальцами, разрешая говорить, и отец сообщил, что книга сия получена накануне, нарочито к открытию торговли.

Вице-губернатор поцокал языком, восхищаясь типографскими украшениями книги, закрыл ее и передал адъютанту,

---

⁶² Экзерциция – упражнение, урок.

обещая деньги прислать потом, отца же просил впредь доставлять ему все поступающие образцы. Увидев Бяшу, который как продавец стоял за прилавком, он улыбнулся ему и спросил, много ли бывает охотников до купли книг.

У Бяши от волнения, как всегда, запершило в горле, поэтому он только отрицательно помотал головой. Тогда, протолкавшись сквозь вице-губернаторскую свиту, выступил Федька, застегнув на все пуговицы свой выдавший виды мундир.

– Им бы в Санктпитере открыться, ваше благородие, в бурхе. Охотники до книжного чтения ныне там...

– Ты кто таков? – удивился вице-губернатор.

Федька пристукнул подшитыми валенками и рапортовал:

– Отставной Иванова полка Ивановича Бутурлина фурлейт⁶³, сиречь извозчик, прозываюсь Федор, ваше благородие. Ныне же аз есь библиотечарский солдат, приставлен дабы долги за книги собирать с неисправных плательщиков.

Вице-губернатор засмеялся, тряхнул кудряшками парика:

– Значит, и с меня будешь долг взимать, ежели я за книгу ту не уплачу?

– Так точно, ваше благородие, – ответил Федька бодро. – Буду взимать.

Свита посмеялась сдержанно, поняв сию деликатную шутку.

– Санктпитер бурх град, – сказал Ершов назидательно, –

---

⁶³ Фурлейт – солдат обозной команды.

сей апофеозис⁶⁴ России преображенной, отнюдь Москве первопрестольной запустения не сулит. Напротив, ежели в новой столице процветет все ироническое, высокородное, блистательное, то древняя Москва смиренным тщанием пчел своих трудолюбивых прославлена будет. Лъзя ли сыскать более возвышенный удел?

Лавочный мороз, который тут был явно лютее, чем на улице, видимо, пробрал и его. Вице-губернатор сморщился, затем зажмурился, усики его распушились, и он чихнул так, что все кудряшки его парика взлетели вверх. Вынув из-за обшлага фуляровый платок, он высморкался, и адъютанты тотчас опрыскали ему руки душистой водой. Спрятав платок, Ершов указал на безмолвного Бяшу:

– Взгляните на сего подвижника, стоящего возле книг! Кому уподобим его – полководцу ли, выводящему свои полки, или владельцу сокровищ, кладов несметных? Нет, скорее пахарю, готовому орать и засеять ниву просвещения...

Дьяк Павлов, который тщетно искал глазами стул или табуретку, где бы присесть, осмелился прервать красноречие вице-губернатора, напомнив, что время позднее, а надо еще побывать на освящении пороховой мельницы в Сокольнической роще.

Видя, что начальство собралось уходить, Киприанов спросил, что же все-таки делать. Охотников-то до купли книг пока не находится. Уж и меры принимались, вплоть до

---

⁶⁴ Апофеозис, апофеоз – обожествление, вершина славы.

барабанного боя.

Вице-губернатор выслушал его с видимым раздражением и повернулся к своим соведущим спутникам:

– А вот мы осведомимся об этом у самих охотников до купли книг. Ну-ка, артиллерии констапель⁶⁵ господин Щенятьев, конфидентно⁶⁶ нам сообщите, сколько книг вы изволили купить? Усадьба ваша богатством славится изрядно, не правда ли, что лучшим украшением ее будут книги?

Щеголь Прошка Щенятьев поспешно сгонял с себя дремоту:

– Книги?... Да, да, книги...

И поскольку он с явной надеждой взглянул на Бяшу, тот решил помочь своему недавнему товарищу по танцам. Достал книгу, которая Щенятьеву должна была быть знакома – ведь тот в недорослях на флоте образование получил, – раскрыл перед Щенятьевым титульный лист, и тот стал читать с затруднением:

– «Разговор у адмирала с капитаном о команде, или Полное учение, како управлять кораблем во всякие разные случаи...»

– Заметьте, – прервал его вице-губернатор, снова возвышая голос, – сколь прелюбопытно там напечатано, судари мои: «Начинающим в научение, отчасти знающим в доучение, а не твердо памятным в подтверждение». Вот вы, гос-

---

⁶⁵ Констапель – воинский чин в артиллерии, соответствовавший прапорщику.

⁶⁶ Конфидент – доверенное лицо, человек, посвященный в чьи-нибудь тайны.

подин адмиралтейц-секретарь князь Голицын, наука эта как раз по вашей части, вестимо вы уже книгу оную прочли?

Прошка Щенятьев закрестился под епанчой⁶⁷ – слава богу, отстал идолище вице-губернатор! А молодой князь Голицын ответил пренебрежительно:

– Науку мы сию в Амстердаме проходили под учительной тростью самого государя и таким же образом доучиваем в Санктпитер бурхе. Для сего нам книг не требуется. Не твердо же памятны в подобающем им звании разные Фомки да Еремки, вот пусть себе книги и покупают.

От дерзких его слов всем стало неловко. Ершов же только прищурился и стал указывать разные меры. Например, всем служащим московских приказов под угрозой немилостей оную библиотеку непременно посетить. Или – купцам закупать себе книги, кои надобны, по плепорции своего торга.

Подойдя ближе к полкам, вице-губернатор посоветовал Бяше книги раскладывать по смыслу – политичные отдельно, фортификационные отдельно, навигацкие опять же в своем порядке. Так же и гравированный товар – куншты, персоны, ландкарты – развешивать по принадлежности к различным съянсам, то есть наукам.

Наконец адъютант подал ему треуголку с пышным плюмажем⁶⁸. Ершов нахлобучил ее и быстро поднялся на улицу.

---

⁶⁷ Епанча – плащ.

⁶⁸ Плюмаж – декоративные перья на шляпе.

Свита поспешила за ним.

– Слышали? Слышали? – металась ворвавшаяся в библиотеку баба Марьяна, которая доселе стояла за дверью. – У них, у верхних-то, драчка пуще нашей идет! Князя не хотят безродным подчиняться, пирожникам да землепашцам... Бают, что и царевича Алексея Петровича князя-то перед государем оклеветали, а он, сказывают, за народ.

– Ай да баба! – восторгался Федька. – Прямо Сципий Африканский⁶⁹! Так и чешет!

Хозяин же сказал сумрачно:

– Не твое, Марьяна, это дело. Иди-ка лучше тесто ставь на блины. Забыла, что завтра масленица?

Весна приближалась неудержимо. Тени на снегу стали синими до такой яркости, что смотреть на них было невозможно. Уже под солнцем кое-где звенела капель, а московские драчливые воробьи, казалось, хотели заглушить весь китай-городский торжок.

Однажды, уж после Сретенья, в лавке появился и первый охотник до купли книг. Бяша сперва его не заметил – был весь поглощен Устей, Устиньей, их новой домочадкой, которая в тот день явилась к нему по велению бабы Марьяны с веником и тряпкой. Бяша был обеспокоен, как бы она не перепутала порядок в книгах или, не дай бог, не порвала края хрупких кунштов. Но если правду сказать, приглянулась она

---

⁶⁹ Сципий Африканский (правильнее – Сципион) – древнеримский полководец и оратор.

ему, эта беглянка куда бы ни пошла – Бяшины глаза сами за ней поворачивались. А ведь слона путного не сказала, даже мельком на него не взглянула.

Между тем вошедший посетитель прохаживался вдоль полка, взмахивая рукавами добротной рясы, – это был поп, Множество попов, дьяконов и разного духовного чина толпилось неподалеку от киприановской полатки – рядом была тиунская изба⁷⁰, учреждение, где с них брали церковную подать. Но никто из попов, виденных Бяшей, не был так страшен. Черный, как цыган, с глазами, сверкающими из-под бровей, с разбойничьей бородой, он брал книгу, как некое насекомое, листал и, не досмотрев до конца, отбрасывал. При этом напевал невнятно:

– Дреманием леностным одержим есмь... Юже рыдаю днесь и содрогаюся...

---

⁷⁰ Тиунская изба – в конце XVII – начале XVIII века учреждение, ведавшее распределением мест (приходов) между священнослужителями и взиманием с них налога.

Страшный поп принялся делать Бяше знаки, чтобы тот подошел, не зная, видимо, как его звать-величать. Но как только Бяша приблизился, надевая очки, тот, наоборот, отстранился. Стал осведомляться, сколько стоит та или иная книга, метал взгляды из-под насупленных бровей. Затем вдруг спросил: а почему на книгах рядом с именем царя – «напечатана бысть по повелению его царского величества» – не ставят теперь имени царевича Алексея Петровича?

А действительно – почему? Бяша тоже заметил: с титульных листов исчезли традиционные слова «...и благочестивого государя-наследника», как будто бы он, царевич Алексей Петрович, не дай боже, умер!

Видя, что он затрудняется ответить, поп скривил бороду в змеиной улыбке и попросил вызвать к нему отца.

Отец, войдя и увидев посетителя, на глазах у Бяши изменился, даже словно похудел. Но подошел почтительно, как водится, испросил благословения. Поп же только и спросил, понизив голос, есть ли для него из Санктпитера бурха газета «Ведомости» и не было ли писем от известного лица. Отец вручил ему сверток газет, а на второй вопрос, очевидно, ответил отрицательно.

Когда он ушел, отец стоял несколько мгновений молча, а Бяша в своих очочках издали видел у него на лбу бисеринки пота. Баба же Марьяна не преминула и тут вбежать и застрекотать:

– Протопоп это от Верхоспасского собора в Кремле, Яков

Игнатьев, духовный был отец царевича Алексея Петровича... Он, считают, главный и есть сомутитель, вражды, с отцом сеятель. Ох, по этому святителю, видать, давно плетка плачет!

Все промолчали на эту ее сентенцию, а Федька, промылавший уксусом печатные доски в сенях, спросил вполне серьезно:

– А по тебе, душа Марьяна, что плачет?

– Что ж по-вашему, – оскорбилась баба Марьяна, – уж ежели я не мужик, так и мнения политичного выразить не смей? А когда староста придет за побором или ярыжки кого из вас, загулявшего, приволокнут, так Марьяна, яви милость, выручай?

И напустилась на Устю: дескать, метет она без души и пыль вытирает без тщания. Впрочем, она с Устей теперь обращалась ласково, хотя и не переставала расспрашивать о Мценске.

Наконец все ушли, и в лавке воцарилось привычное безлюдье. Только Устя, невидимая из-за прилавка, шаркала тряпкой, вытирая пол.

И вдруг она о чем-то спросила. Бяша поначалу не понял, что ее вопрос обращен к нему, настолько непривычен был девичий голос в его книжной пустыне. Он хотел переспросить, но сердце заколотилось от непонятного волнения.

И она спросила вновь:

– Для чего это?

– Что – это? – наконец вымолвил Бяша.

– Все. – Она обвела пальцем волки.

– Книги?

– Да.

Вот те на! А для чего, действительно, книги?

Бяша, еле собравшись с духом, принялся толковать, что книги суть реки, напояющие вселенную, что книжная премудрость подобна солнечной светлости, что дом без книг подобен телу без души.

Девушка слушала внимательно, выйдя на середину. Нежным движением руки поправляла волосы, выбившиеся из-под платка.

– А есть у тебя книга, – спросила она, не дослушав, – про которую ты мог бы сказать – вот прочту ее и стану блаженным?

Еще один вопрос, на который нипочем не ответить! Пусть бы она лучше спросила, кто такой Квинт Курций⁷¹, книга которого лежит у Бяши на видном месте, или в какой стране света находится Америка.

– А ты знаешь такую книгу? – спросил он в свою очередь.

– Знаю, – спокойно ответила Устя.

– Как же она зовется?

– Голубиная книга.

Бяша даже присвистнул и, сняв очки, стал их протирать рукавом. Голубиная книга! Как не знать! Это же Деда на ба-

---

⁷¹ Квинт Курций – древнеримский историк.

зарах, калики перехожие⁷², поют такую стихиру, в ней глупости несуразные вроде сказок про Еруслана и Бову⁷³.

– Такой книги нет, – сказал Бяша как можно более категорично.

– Нет, есть. – Устя отошла с таким видом, словно поняла, что и говорить-то здесь не о чем.

– Да нет же! – чуть не закричал Бяша. – Книгу, которая на типографском стане не выдрукована⁷⁴, нельзя считать книгой! Даже рукописная книга бессильна, потому что одинока, что же сказать о книге словесной, раз нет у нее ни страниц, ни обложки?

Но сам чувствовал, что говорит неубедительно.

А Устя, расхрабрившись, открывала крышки переплетов, заглядывала в титульные листы, рассматривала фронтисписы⁷⁵, где красовались дебелые богини или важные господа в кудрявых париках. Вдруг она прыснула в рукав и лукаво посмотрела на Бяшу.

– Что случилось?

– Книга тут странная... Про курицу какую-то, а нарисованы мужики с перьями на шапках.

---

⁷² Калики перехожие – паломники, странники; в русских былинах – нищенствующие богатыри.

⁷³ Бова Королевич – персонаж русских сказок, излюбленный герой лубочных изданий.

⁷⁴ Друковать – печатать книги.

⁷⁵ Фронтиспис – картинка, портрет, иллюстрации перед титульным листом книги.

– Да это не курица, это и есть «Квинта Курция, римского историка, достославное сочинение о делах, содеянных Александра, царя Македонского». А ты разве читаешь?

– Разбираем помаленьку.

И вдруг она застенчиво и мило улыбнулась Бяше, и Бяшино сердце упало куда-то в сладкую бездну. Ах, какая же она славная – с глазами широко расставленными и ясными, смотрящими без боязни! Во множестве книг, Бяша знает утверждалось, что благовоспитанной девице в присутствии даже близких мужчин взор свой скромно потуплять подобает. А что за потупленным тем взором на уме – до того никому и дела нет. Насмотрелся Бяша на своих, на слободских, да на торжковых красавиц. И насурмлены-то они, и нарумянены, и всякое у них словечко не просто, а с подходцем. Со всем другая эта Устя! Вот если бы Максюта...

А Максюта легок на помине, тут как тут. Удивился, что чистота в лавке, долго вытирал сапоги об Устину тряпку. Приятелю подал руку лодочкой, а Устю принялся выпроваживать:

– Ступай, русалочка, иди себе на поварню. У нас дела.

Но Устя заупрямилась и не пошла, будто уж зело много забот ей с протиранием книг.

Тогда Максюта придвинулся к самому Бяшиному уху и зашептал, весь горя страстями:

– Намедни Стеша велела к ней прийти... Просит какую-нито новую песенку принести, сказывает – скучно. Ко-

нечно, день да ночь, все в одной светелке, зимой ведь на качели не выйдешь... Васка, голубчик, сделай милость, перепиши красивенько, я новую песенку у одного прапорщика выучил – прелесть!

Оглядываясь то на распахнутый раствор, из-за которого все не шли люди, охочие до книг, то на склонившуюся за прилавком Устю, он вынул из-под полы маленькую балалаечку-бруньку. Заверил Бяшу:

– Я буду шепотом петь, а то без игры я и слова-то все перекорежу.

Максюта учился когда-то грамоте у москворецкого дьячка Вавилы, даже Псалтырь⁷⁶ будто бы всю прочитал. Буквы знал славянские, а складывать их ему никак не удавалось.

– Иже⁷⁷, зело, буки, аз... – правильно называл он буквы. – А вот как из них складывается и-з-б-а, никак не пойму. Не дал господь!

Теперь, тренькая на балалайке, он бодро запел:

– «Ты сердце полонила, надежду подала и то переменила, все счастье отняла... Лишаяся приязни, я все тобой гублю, достоин ли я казни, что я тебя люблю?»

– Да помедленней ты, Максюта, не стрекоти, я не успеваю записывать.

---

⁷⁶ Псалтырь – собрание псалмов, часть Библии, богослужебная книга, по которой также обучали детей.

⁷⁷ Онде, иже – значки сокращения слов в церковнославянском кириллическом письме.

Тогда Максютя, дав Бяше время записать напетое, прошелся козырем по библиотеке, уверяя, что это есть новое коленце в контрдансе, которое приказчики только что выучили от французского танцмейстера Рамбура...

И запел, заиграл с удвоенной энергией:

– «Дня светла я не вижу, с тоскою спать ложусь; во сне тебя увижу, но ах – и пробужусь!»

– Антихристы вы, антихристы! – вдруг отчетливо сказала Устя, выходя из-за горки с книгами.

– Что ты, что ты! – замахал на нее руками Бяша.

А Максютя, сначала опешив, быстро перешел в контрнаступление:

– Да ты о чем, девка? Мы православные, к причастию ходим, образа святые почитаем. А ты – антихристы! Да за таковые словеса тотчас – слово и дело государево и в Преображенский застеноч, на козу!

– Слуги антихристовы! – упрямо повторила она.

Глаза у нее стали дикими, кулаки, как деревянные, ударили по прилавку, платок сбился, и коса упала на плечо.

– Э, да она у вас кликуша! – сказал Максютя. – Ну, мы на бесноватых управу знаем, у нас в рядах по две-три кликуши в день выпроваживаем.

Максютя действительно ловко ухватил Устю за косу и, хорошенько встряхнув, поставил на колени, а потом опять поднял на ноги и толкнул к раствору.

– Только не на улицу! – в ужасе вскричал Бяша, не зная,

что предпринять.

Но Максюту отрицательно покачал головой, повалил Устю на скамью и стал растирать ей уши. Через некоторое время она действительно пришла в себя и только всхлипывала, качаясь взад-вперед, – ей было стыдно.

Расторопный Максюту сбегал на площадь и принес ей кружку сбитня и бублик. Вскоре они втроем мирно сидели, беседовали.

– Это за что же мы антихристы? – дружелюбно спрашивал Максюту, хотя Бяша щипал его за рукав, умоляя помалкивать.

– А то не антихристы? – грустно усмехнулась девушка. – Песни здесь поете, пляшете, столы у вас ломаются от снеди, суета сует. А мы как шли от Мценска – голод везде, кручина. Скот кормить ничем, крыши соломенные снимают – кормят... Колодники всюду, клейменные, пытанные люди... А еще страшнее – головы на кольях, птицами объеденные, торчат. В Серпухове, Белеве...

– И здесь головы торчат, – мрачно возразил Максюту. – Это царские враги, – сказал Бяша.

Разговор не клеился. Максюту вновь схватил свою балалаечку, затренькал, заблажил:

– «На зеленом лугу, их-вох! Потерял я дуду, их-вох! Что за дудка была, их-вох! Веселуха моя, их-вох!»

Тогда и Устя тихонечко завела протяжную:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор да гор высоких,
Не красно солнышко выкатилось,
Выкатился бел горяч камень...

Голос у нее был низкий, негромкий, не как на посаде, где певуны стараются всюю напрягать горло, а как у странниц, когда они поют хождение богородицы. Медленно выводила, покачиваясь:

Как придете во святую Русь,
Что во матушку каменну Москву,
Моему батюшке низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
А детушкам благословеньице,
А моей душе отпущеньице...

— Гей, Устюха-красюха, что кручину навела? — вскочил Максютя. — Давай-ка лучше я тебя контрдансу поучу, ты, видать, была бы плясунья хоть куда!

И он потащил за руку упирающуюся девушку. Бяша только диву давался, как можно быть столь бесцеремонным. А Максютя уже крутил Устю всюю, пытаясь показать свое мод-

ное коленце.

Заскрипела задняя дверь, и вошла баба Марьяна.

– А, Максютка! Ишь горазд, и сюда плясать забрался! А ты, тихоня, на поварне слова от тебя не дожدهшься, а как увидела кавалера, туда же в танцы! Хотите я вас обсватаю? Вот будет парочка, петух да цесарочка!

Максюта подхватил свою балалайку, не забыл взять листок с песней и отбыл восвояси.

Наконец-то пошли и охотники до приобретения книг. То ли вице-губернатор Ершов принудил, то ли до москвичей, вообще тугих на новое, наконец дошло, что появилась книжная лавка не чета всем прежним. Теперь в некоторые часы Бяша с Федором еле управлялись, а уж распаковывать прибывшие из Санктпитер бурха книги доставалось одному Саттерупу. Спрашивали большей частью учебные книги, много продавалось календарей. Знатные фамилии – Прозоровские, Репнины, Гордоны – сами в лавку не ходили, а посылали слуг со, списками книг. Зять⁷⁸ Меншикова, светлейшего князя, ухитрился подъехать в возке к раствору лавки и через лакея послал сказать Киприанову, что ему из книг надобно.

А однажды под вечер вошел старичок, сухонький, горбоносый, улыбчивый, очень чем-то знакомый. И с Бяшей поздоровался как со старым приятелем, спрашивал о здравии и все улыбался. Скинул шубку, не боясь холода, потирал ручки. Старичок был маленький, и все у него было крохотное – и

---

⁷⁸ Зять – муж дочери или сестры.

модный кафтанчик, и башмаки с пряжкой, и розовый дрезденский паричок. Книг пересмотрел он сразу множество, но, узнав, что чужестранных изданий Киприановы не выписывают, огорчился:

– Напрасно, напрасно... А знаете ли вы, прекрасный юноша, трактат о множественности миров? Знакомо ли нам такое достославное имя – Коперникус? Представляете ли вы, что на Луне, например, могут обитать люди, да не тот охотник с собакой, которого в полнолуние тшятся разглядеть в зрительную трубку наши любительницы поахать, а хомо сапиенс⁷⁹ – человек разумный?

Бяша из своего опыта уже знал, что таким охотникам до книг бесполезно что-нибудь отвечать или разъяснять – они упиваются собственной ученостью. Но когда старик в разговоре упомянул об ученом споре между Лейбницем и Ньютоном⁸⁰, Бяша не удержался – все же он был ученик Леонтия Магницкого, – чтобы не вставить, что спор идет о приоритете в изобретении дифференциального исчисления.

Словоохотливый старичок не обратил ни малейшего внимания на проявленные Бяшей знания. Он перекинулся на комментарии Невтона к Апокалипсису⁸¹, в коих великий ма-

---

⁷⁹ Хомо сапиенс – по-латыни «человек разумный», научное название человеческого рода.

⁸⁰ Невтон – правильное – Ньютон Исаак (1643 – 1727), великий английский мыслитель, ученый.

⁸¹ Апокалипсис – одна из книг Нового завета, религиозное сказание о так называемом конце света и Страшном суде.

тематику с точностью до трех дней вычислил дату конца спета. Старичок говорил и говорил без умолку, пока не ударили к вечерне, когда полагалось кончать торговлю. Он ничего не купил, взял только на неделю почитать «Историю о разорении Трои», уплатив вперед полагающуюся за пользование плату – две деньги.

А когда уж он скрылся в вечерней мгле за раствором лавки, кивая и кланяясь на прощанье, Бяша вспомнил, где его видел. Да это же был тот старикашка, который на ассамблее вместе с мамками опекал ту прелестницу, ту танцовку! Как давно все это было, словно в иные века, с иными людьми!

Этот самый старикашка вместе с мамками увел тогда ее от Бяши, ссылаясь на злополучную латку на кафтане... Фу! От стыда даже в жар бросило Бяшу. А он сам-то, Бяша, хорош – после ассамблеи и не пытался даже разузнать, кто она. Старичок этот, конечно, шут, домашний шалун, таковых множество в московских богатых фамилиях. И Бяшу он, без сомнения, признал – раскланивался многозначительно.

Ночью Бяше не спалось. То ли весна приближалась, то ли думы неясные мешали, брожение во всем теле – не понять.

Размеренно тикают часы-поставец, их слышно на весь флигель. Часы эти, так же как и серебряные очки, подарил отцу благодетель, генерал-фельдцейхмейстер господин Брюс. В их перестуке есть нечто магическое, вечное – так уверяет отец. Затем слышен оглушительный храп Федора, которого из-за храпа в общую горницу спать не кладут, сте-

лют в сенцах. А снизу слышится храп понежнее, помягче. Это баба Марьяна, которая спит на печке. Как бы ее, кстати, ни уверяли, что она по ночам храпит, она отрицает, сердится, божится до слез. И еще слышится тоненькое словно бы повизгивание. Так спит малышка Авсенья, которому стелют в просторной корзине из-под белья.

Слышны шорохи разные, шепоты, скрипы, перестуки. Старый бревенчатый флигель будто наполнен тысячью невидимых существ. Когда Бяша был маленьким, он верил во всех этих кикимор, домовых, подпечников, до смерти боялся их ночных забав. Теперь, конечно, после Навигацкой школы и чтения множества книг, об этом и думать смешно, а все-таки лежишь, лежишь – и жуть забирает.

Внезапно над самой крышей раздается скрежетание и хрип, будто вращается множество ржавых колес. Это приходит в действие старый, заслуженный механизм курантов Спасской башни. Раздается удар колокола, другой, затем перезвон колокольников. «Послу-ушивай!» – кричит в ответ часовой у ворот. Потом бьют куранты другой, Никольской башни, и, наконец, совсем уж издалека доносится звон еще одной из кремлевских башен.

Когда же умолкает последний звон колокола, слышится протяжный звук человеческого голоса – это стонут колодники из Константино-Еленинской башни, где сидят они, потеряв счет дням, под надзором Разбойного приказа.

А затем Бяша отчетливо услышал босые шаги. Чьи-то но-

ги, осторожные, как полет бабочки, не то поднимались, не то опускались по лестнице в поварне. Бяша сел на постели, вслушался. Яркий расплывчатый отсвет луны в слюдяном окошке позволил рассмотреть постель отца. Отец спал, а ведь это он иной раз по ночам, накидывая тулуп, уходит через двор в полатку и работает там до рассвета над какой-нибудь любимой ландкартой. Бяша встал и тоже, стараясь подражать полету бабочки, нащупал босой ногой ступени лестницы, стал спускаться. Боялся задеть кадушку и ковшик с питьевой водой у двери. А сердце билось в предвкушении неизвестного.

Так и есть! Сделав последний шаг, он наткнулся на чье-то упругое плечо под холстинной рубахой. Пахло немного пряным и теплым, его обхватили мягкие руки.

– Бяша, это ты? – скорее дыханием, чем шепотом донеслось до него. – Это я, Устя...

– Хочу я в мастерскую сходить, – соврал Бяша. – Отец наказывал с вечера трубу закрыть, а я запомнил.

– Не ходи! – прошептала Устя. – Не прохолодится ваша мастерская, уж морозы сошли.

И поскольку Бяша все же сделал движение к двери, она, крепко обхватив его, потянула к себе, а он, боясь в темноте упасть, послушно переступал за ней. И они сели на Устино жесткое ложе на лавке, где над ними на печи покоилась с нежным храпом воинственная баба Марьяна.

– Давай посидим... Мне не спится... – шептала девушка,

прислонясь лицом прямо к Бяшиному уху. – Накатывает на меня, так и крутит, так и крутит. Вы с Максюткой что, взаправду считаете меня кликушей иль нет? Я не кликуша, вот мать моя – та была кликуша...

В ночной тишине, ткущейся из храпов и сопений, ее шепот, да и не шепот даже, а дуновение, эманация⁸² души, как выразился бы философ, казался Бяше сладостным пением Сирина⁸³, птицы райской.

– Мать наша сама была икотницей и на других икоту напускала. Лишь на бабу поикает, готово – испорчена баба. Это я тебе только как другу признаюсь, ты же меня не выдашь? Бывало, спрашиваю: «Мамонька, как же ты живешь, у тебя же, бают, бес во чреве сидит?» Она: «Ежели бы один, доченька! Их там сто бесов, на все голоса плачут, животы мои гложут. Один птицею кукукает, другой козою блекочет, третий ворочается, как мельничный жернов...»

Она затихла, словно к чему-то прислушиваясь, а Бяша хотел храбро сказать, что лично он в кликуш не верит. Пример тому подал сам государь Петр Алексеевич, который указал, что сие есть глупое суеверие – ни от природы, ни от бога. И еще он повелел, чтобы кликуш, равно как и других юродствующих, кнутами исцеляли и ссылали на осушение болот, ибо вода для здоровья их кликушеского полезна. Но пока Бяша собирался это сказать, во дворе будто бы калитка хлоп-

---

⁸² Эманация – излучение, запах, влияние.

⁸³ Сирин – мифологическое существо – сладкоголосая райская птица.

нула. Бяша напрягся, вслушиваясь, — все было тихо; наверное, просто показалось.

— Пора спать, — сказала Устя. — Не ровен час, проснутся — что подумают? Мне не спится, недужится, но я перемогнусь, а ты иди, засыпай, ты добрый, ты умный, ты милый, Бяша...

Никто, никогда, с тех пор как умерла матушка, никто Бяшу так не называл. Отец любил его, но отец был немногословен и вечно занят! Бяша простил даже ей, что она его Бяшей назвала, у нее это так ласково получилось! И они пошли назад, обнявшись в темноте, среди шорохов и запахов, ошупью нашли лестницу, долго поднимались, после каждого шага переживали, затаив дыхание. На последней ступеньке она вновь приблизила лицо к Бяшиному уху:

— Дай я тебя перекрещу, пусть не говорят, что кликуши — ведьмы... А вместо молитвы я тебе заговор скажу, ты сразу заснешь и будешь почивать до утра.

И зашептала, как запела, слова ее скорее можно было угадать, чем расслышать:

— Трава реска, маленька, синенька, по земле расстилается, к долу приклоняется... Слова мои крепки и до веку лепки, нет им переговора и недоговора, будь ты, моя присуха, крепче камня и железа.

И верно, Бяша лег, камушком повалился и не помнит, как заснул.

А утром примчался Максюта, весь в горестных чувствах. У его Степаниды, оказывается, уже и сваха есть. Максюта

шептал отчаянно:

– Копать, копать! Давай, Бяша, копать!

– Да что нам будет от этого копанья-то?

– Как – что? Клад найдем, попа купим в Нижних Котлах, там, рассказывают, они мздоимливы. Найдем первейших рысаков, сговорим Стешеньку и венчаемся увозом!

– Ты венчаешься, а я? Да и если она не согласится?

Максюта молчал, повесив буйную головушку.

– Давай уж по-другому, – сказал Бяша, которому до смерти было жаль друга. – Когда выкопаем, государю отпишем, так, мол, и так, посылаем тебе, надежда царь, выкопанные воровские сокровища, а ты нас, верных твоих слуг, вот тем-то и тем-то пожалуй...

– Подлинно так! – оживился Максютя. – Что значит обрзванный-то человек!

Остаток дня ушел на подготовку. Максютя принес завернутые в попону заступ и кирку. Хотя все это имелось и у Киприановых, но решили не трогать, дабы не возбуждать подозрений.

Вечером Бяша еле дождался, когда все лягут. Часы тянулись, словно мучительное наказание. Бяша вспоминал прошедшую ночь, иногда ему представлялось, что Устя вновь стоит во тьме на нижней ступеньке. Ох, лишь бы нынче она там не стояла!

Думая так, он поднялся, прислушиваясь к тишине, стал спускаться ощупью. Задел кадку с питьевой водой, ковшик

упал, загремел.

— Бяша, айньки? — сонным голосом спросила баба Марьяна. — Ты, что ли?

— Водицы испить, — ответил Бяша. — Заодно хочу калитку проверить, не забыли ли запереть.

Слава богу, Устя, вероятно, спала. Накинув кожушок, Бяша взял ключи и вышел во двор.

Весенние звезды ярко переливались в черном колодце неба над постройками. Иззябший Максютя ждал за калиткой наготове. Едва будучи впущенным и не дожидаясь, пока Бяша за ним запрет, он устремился к подвальной двери. В этот миг ударил звон Спасской башни. Под гром курантов не слышно было, как открылся им замок подвала. Долго кресали огонь, трут оказался сырым. Разожгли огарок, сунули его в слюдяной фонарь, стали спускаться по кирпичной лестнице.

— Эге, да кто-то у вас подметает тут, — заметил Максютя. — Вылизано, будто подъезд у вельможи. Надо остерегаться, как бы нам не насорить.

И вдруг во дворе над ними трепетно и ясно пропел петушок.

— Откуда у вас петух? — удивился Максютя.

— У нас нет петуха.

— Вот и я же об этом. На всей Красной площади и на торгу скотина запрещена указом, ни собаки, ни куры, разве котенок...

А петух, будто утверждая свое странное бытие, пропел еще раз, столь же радостно и звонко.

Но раздумывать о петухе было некогда. Клагоискатели с трудом отворили железную ржавую дверь, перенесли спую попону с инструментом. Максюта высоко поднял фонарь, освещая подвальную клеть, и оба они ахнули.

Посреди подвала была вырыта свежая яма, на дне которой лежал чей-то сломанный заступ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Не по хорошу мил, а по милу хорош

– Онуфрич! Онуфрич же, отзовись!

Баба Марьяна, запыхавшись, взбежала по лестнице с решимостью, для нее несвойственной. Киприанов с подмастерьями был занят – сосредоточенно искал марашки на сверстанной печатной форме.

– Ну же, Онуфрич! Бросай свои точки-запятые – такая новость!

Подмастерья наострили уши, но баба Марьяна вытянула хозяина из мастерской и увела его в поварню, где в этот час было пусто.

– Онуфрич! Слышишь? Твоего Бяшу сватают!

– Сватают? Что ж он, красная девица, чтоб его сватать?

– Нет, ты послушай, Бяшу сватают! А он-то, тихоня, какую девку отгрохал! И то сказать – в отца. По глазам сирота, а по хватке – разбойник.

– Перестань трещать. Объясни толком.

– Куму мою знаешь, Ипатьевну? Дама в соку, хотя уж ей сорок, но больше тридцати не дашь. Соседи они наши по Мценску, под острогом⁸⁴ жили. Да помнишь ты ее или нет?

Киприанов пожал плечами, а она даже поперхнулась с до-

---

⁸⁴ Острог – населенный пункт, обнесенный оградой из заостренных бревен.

сады.

– У, бирюк! Она же каждый праздник к нам ходит, наряжается – бострога⁸⁵ у нее китайчатая, в полоску, а на голове фантаж⁸⁶ носит не дешевле чем на двугривенный...

– Это Полканиха, что ли?

– Полканиха! Кто это выдумал такое прозвище? Супруг ее, царствие ему небесное, был, конечно, не генерал, но и не майор – полуполковник...

– Ладно, ладно, полуполковница. Так, и что она?

– У вашего, сказывают, пастушка да завелася ярочка, теперь скусить бы пирожок, опрокинуть чарочку... Я смекаю – ведь она сваха, эта моя Ипатьевна, но вдовьему делу она свашеством кормится. Я мигом на лафертике⁸⁷ и чарочку и пирожок, она отведала, похваливает, а сама все про Бяшу интересуется.

– Да говори дело, у меня набор стоит!

– Кумекаю также – от девок к парням сваты спроста не ходят: может, она такая красава, что в окно глянет – конь прянет, а на двор выйдет – собаки дохнут? Прижучила я сваху эту по-родственному, по-амченски: выкладывай, мол, с чем пришла...

– Марьяна же! – изнемог Киприанов.

---

⁸⁵ Бострога, бастрок – в начале XVIII века женская кофта немецкого покроя.

⁸⁶ Фантаж (правильнее – фантанж) – французская модная прическа XVII столетия.

⁸⁷ Лафертик – поднос.

– Имей, сударь, терпение! Ишь пряткий, а еще жалованный чин носишь, библиотечарский. Вот теперь держися, Онуфрич, на чем сидишь, да покрепче, я сейчас тебе такое скажу! Канунникова купца знаешь?

– Какого же Канунникова? Не того ли, который суконщик? В Ратуше который вице-президент?

– Того, того! – закивала баба Марьяна, уже не заботясь, что кто-нибудь подслушивает.

– Ну, и что Канунников? Мы с ним в апрошах⁸⁸, не кланяемся.

– Теперь будете кланяться. Закидон-то именно от него наша полуполковница делала. Слушай же...

Баба Марьяна манила его пальцем наклониться поближе, а он все рвался назад, к своим марашкам.

– Аспид⁸⁹ ты, бесчувственный! – наконец закричала Марьяна. – Не враг же ты своему сыну?

Выяснилось, что официального сватовства еще, конечно, не было. Просто сваха прощупывала благорасположение, давала понять – вот если б вы сами посвататься решили...

– Постой! – соображал Киприанов. – Канунников... У него барки сейчас в Персию пошли, не менее миллиона в обороте! Канунников! Это же сам московский Меркурий⁹⁰!

---

⁸⁸ Апрош – военный термин, обозначающий приготовления к атаке; в переносном смысле – неприязненные отношения.

⁸⁹ Аспид – мифологическое чудовище, многоглавый змей.

⁹⁰ Меркурий – бог торговли и ремесел в древнеримской мифологии.

– Видишь, Онуфрич! Я всегда говорила, господь еще отметит тебя, простеца трудолюбивого, и вознесет! Пойду не мешкая свечу поставлю...

– Да погоди ты со свечой! Не верится мне что-то. Кануников – и я... и Васка, хотел я сказать... Не бесчестье ли, не шутка ли это чья-нибудь злая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.